

★ НИКТО, КРОМЕ НАС! РОССИЙСКИЙ СПЕЦНАЗ! ★

СПЕЦНАЗ

АНТИДИВЕРСАНТЫ

Сергей ЗВЕРЕВ

Сергей Иванович Зверев
Антидиверсанты
Серия «Спецназ ВДВ»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=172091

Антидиверсанты: Эксмо; М.; 2008

ISBN 978-5-699-30965-8

Аннотация

Руководство российской разведки получило информацию о том, что на секретном полигоне должна появиться диверсионная группа США. Американцы намерены добыть там некие компоненты для испытаний своего нового сверхмощного оружия. «Встречать» незваных гостей отправился отряд спецназа ВДВ под командованием майора Митина. Воевать с превосходящими силами противника тяжело даже на своей территории, но загнать его в заранее устроенную ловушку намного проще. Хотя это только кажется, что проще...

Содержание

Пролог	4
Часть первая	14
1	14
2	16
3	21
4	26
5	33
6	40
7	45
8	49
9	54
10	59
11	64
12	74
13	79
14	88
15	93
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Сергей Зверев

Антидиверсанты

*Профессионалам армейского спецназа
посвящается*

*«Мы, оглядываясь, видим лишь руины».
Взгляд, конечно, очень варварский,
но верный.*

Иосиф Бродский

*Мы отряхнули прах у порога.
Избранных, как и всегда, немного.
Но в каждом полку есть десятый, сотый.
Каждый из нас заменяет роту.
Вздрыгнет земля до небесных высей
Под дробным шагом мирных дивизий.
Для армии нашей неразделимы
Нью-Йорк и руины Третьего Рима.*

Илья Матюшкин

Пролог

Остров Санта-Фе

Атлантический океан

Специальный Полигон Вооруженных сил США

14 июня

Небольшой приземистый катер, поднимая широкую волну, резко заворачивает к берегу. Мотор умолкает в нескольких метрах от края длинной деревянной пристани. И через две минуты из-под пластикового стекла, нависающего над передней частью машины, на мостки выпрыгивают три человека. Один из них, в черном водолазном костюме, забирает из катера подводное ружье и резиновый, туго набитый мешок.

По пристани в их сторону медленно идет солидный господин в сомбреро, цветастой гавайке и парусиновых белых штанах. В углу ухмыляющегося рта – тонкая коричневая сигарилла, на глазах – огромные овальные темные очки.

– Как сегодня охота?

Он останавливается на середине пристани, держась за веревочные перила. Прибывшие почтительно останавливаются. Водолаз осторожно, как неразорвавшуюся бомбу, опускает на дощатую поверхность резиновый мешок. Виновато разводит руками:

– Пусто, сеньор Альварес. Несколько макрелей и всякая мелочь. А около рифов беспокойно. Антонио видел барракуду. Про акул я уж и не говорю. Их там всегда немало.

Сеньор снимает широкополое сомбреро, вытирает пот с округлой лысины, пристально смотрит на водолаза:

– А по моему делу, Мигель?

– Кое-что есть. Но...

– Я не тороплю. – Альварес понимает, что говорить при

посторонних Мигель не будет.

Оба напарника внимательно вслушиваются в беседу. Английского они, конечно, толком не знают. Кроме слова «сеньор», может, и не поняли ничего. Хотя...

Типичные местные рыбаки среднего возраста. Молчаливые, пожалуй, даже мрачные на вид. Это и понятно при такой жизни – легко ли выходить каждый день в море, под палящее тропическое солнце? И что вообще у них есть, кроме жалкого улова? Вечерами – ром в грязноватой таверне, если повезет – объятия страстной мулатки. Еще – заросший лианами ветхий домишко, полуголодные оборванные дети, толстая неопрятная сварливая жена, какой-нибудь грузовичок с ржавым кузовом и побитая моторная лодка, вся пропахшая рыбой...

Они ничего не ждут от будущего. Каждый прожитый день – праздник. Трудно представить, что кто-то сделает на них ставку. Таких не вербуют. Это подсобный материал, который можно использовать только для разовой акции. Следить и передавать информацию они не способны. Тем не менее Альварес позаботился о дополнительных мерах безопасности. Чтобы допустить двух рыбаков на Санта-Фе, их тщательно проверили. Ничего подозрительного. Даже в мелочах. Но уж слишком часто Альварес сталкивался с тем, что бдительность никогда не бывает излишней.

Он выплевывает окурок сигариллы в зеленовато-бирюзовую воду.

– Накорми рыбаков обедом. И сам поешь. А через час приходи на полигон.

Мигель кивает, берет свой резиновый мешок и медленно идет по скрипящим доскам пристани. Рыбаки молча следуют за ним. Во взгляде одного из них Альварес видит страх. И улыбается.

Это хорошо, что боится. Страх – самое подлинное чувство. Его нельзя имитировать.

* * *

До конца семнадцатого столетия безымянный остров вулканического происхождения был пустынным клочком земли в двух сотнях морских миль к востоку от Барбадоса. Длинная цепь рифовых скал надежно скрывала это океанское убежище – проплывающие мимо суда старались подальше их обойти. Мелькнет в окуляре подзорной трубы зеленая точка за непроницаемым бурлящим барьером и исчезнет в сизой дымке.

Но вот в 1682 году испанцы решили устроить тут тюрьму. Две шлюпки с галеона «Санта-Фе» («Святая вера») выбросили на необитаемый берег девять робинзонов, осужденных за преступления на военно-морском флоте. Как они избежали виселицы, трудно сказать. Смилоствивились высшие силы или гуманная фантазия вдруг возникла в сознании сурового адмирала, дона Себастьяна Гранде?

За пять одиноких лет колонисты прижились на острове, подружились с туземцами, которые приплывали сюда ловить рыбу, построили по местному обычаю несколько крытых листьями хижин, завели себе домашнюю птицу и даже основали семьи – с соседних островов друзья-индейцы привезли им бронзовотелых невест.

«Почему же вы не живете тут, на благодатном острове?» – удивлялись поселенцы. «Плохое место, духи воюют со всеми», – отвечали немногословные туземцы. И добавляли, улыбаясь белоснежной улыбкой: «Теперь не будут, вы их замирили».

Названный по имени счастливого галеона (колонисты жили здесь так, как не могли и представить себе на родине), островок Санта-Фе спустя четверть тысячелетия был по-прежнему незаселенным. Точнее, здесь бывали люди. Но временно, в течение нескольких месяцев. Потому что уже более полувека на этом затерянном клочке земли проводились секретные испытания новых видов оружия.

Духи, которых замирили первые робинзоны, возродились через триста лет. И с тех пор уже не отпускали благодатное место...

* * *

Роберт Дейвон, специальный сотрудник Агентства национальной безопасности США, впервые попал на Санта-Фе

двадцать лет назад. Тогда он был всего лишь стажером-ассистентом и по неопытности поражался великолепию тропической природы, буйству растительности, красоте закатного солнца, пустынной тишине закрытого полигона в самом центре острова, обнесенного неведомо от кого (сюда люди попадали только по секретным документам Пентагона) высоким бетонным забором. Он удивлялся тому, какие необыкновенные разработки в течение многих лет практикуют власти его родной Америки. Страшные, неподвластные пониманию...

Вся поверхность острова и вся окружающая его акватория были буквально нашпигованы невидимой глазу аппаратурой. Микроскопические датчики украшали стволы деревьев и длинные змееподобные отростки лиан, висели на коротких металлических столбиках, выстроившихся вдоль берега, плавали на поверхности воды, прикрепленные к бугристым выступам коралловых рифов тонкими проволочными шпагатами.

В некий час «икс» по команде с центрального пульта, размещенного на полигоне, датчики молниеносно связывались в единую цепь, где каждый из них был необходимым передаточным звеном. Формировался мощный организм, способный широким фронтом вести массированную атаку.

И тогда океан на пространстве в десятки квадратных миль превращался в чудовищный плавильный котел, где не было возможности существовать ни одному живому существу. Через пару минут атака прекращалась, но вскоре волны вы-

брасывали на каменистый берег сотни изуродованных рыб, а остров усеивался трупами тропических птиц. Мириады погибших насекомых тонким слоем покрывали пространство острова, и только люди, скрытые в бетонном бункере в самом центре полигона, оставались неведимы...

Такие испытания проводились здесь не часто, раз в год, и природа быстро восстанавливалась, залечивала страшные раны.

Но самое удивительное заключалось в том, что руководители проекта были недовольны результатами.

Месяц назад на базе Уайтвэй, расположенной на тихоокеанском побережье США, Дейвон понял, что ситуация изменилась.

Почему встреча должна была произойти именно здесь, Дейвону, конечно, не сообщили. На это секретное мероприятие прибыли люди, весьма далекие от реалий военно-морской службы.

Всего их было пять человек, не считая самого Дейвона: Браункэйв из Пентагона, Коллинз из ЦРУ, Перкинс из Госдепартамента и два субъекта, о которых Дейвон ничего не знал. При встрече они представились псевдонимами, что указывало на то, что эти парни имеют какой-то особый статус.

Расположившись в изолированном корпусе центрального здания военно-морской базы, собравшиеся приступили к обсуждению закрытой темы.

Председательствовал на встрече Дуайт Перкинс. Строго глядя на собравшихся сквозь стекла маленьких очков в золотой оправе, он произнес:

– Я не имею возможности подробно останавливаться на некоторых аспектах этого дела, но должен отметить следующее. Правительство и сам президент очень полагаются на вас. Поэтому сегодня мы должны тщательно разработать схему дальнейших действий. Начнем с вас, генерал Браункэйв.

– Если вас интересуют военные разработки, то могу определенно заявить: никаких новых достижений пока нет. Работы на полигоне идут своим чередом. УФ-лучи показали свою эффективность еще двадцать лет назад, однако с тех пор все остается на прежнем уровне.

– Я не буду болтать о том, чего не знаю, – заявил Коллинз, – но кое-какими сведениями мы теперь богаты. Не только мы занимались этими проблемами, но и русские. И они добились в этом отношении в свое время огромных успехов. Возможно, здорово опередили нас. Хотя работы у них давно свернуты, важнейшие материалы сохранились. Посему, – он улыбнулся, – нам надо перейти сейчас к обсуждению более конкретных вопросов. Мы же, со своей стороны, постараемся в ближайшее время что-нибудь откопать. Месяца через три ждите значимых результатов.

Теперь, сидя на открытой террасе вместе со штатным сотрудником ЦРУ Альваресом и слушая совершенно неинформативный рассказ Мигеля, который отвечал за установку специальных датчиков, фиксирующих периодические атаки УФ-лучей и их последствия, Дейвон вдруг ловит себя на мысли, что не понимает смысла всех этих экспериментов. Если русские действительно ушли вперед в исследовании феноменального излучения, зачем безмерно дублировать на этом несчастном полигоне один и тот же опыт? Нелепость, граничащая с идиотизмом. Наверное, у Пентагона слишком много лишних денег...

– Хорошо, Мигель, мне все понятно, – говорит Альварес, закуривая свою неперемную сигариллу. – Можешь идти.

После ухода специального агента пару минут они молчат. Альварес невозмутимо выпускает дым в сторону соседней кухни, где sporo готовит пищу, время от времени оглядываясь на двух солидных сеньоров, аппетитная мулатка Сильвия, а Дейвон пьет маленькими глотками сок.

– Что скажешь? – наконец спрашивает Альварес. – У тебя нет ощущения, что мы занимаемся полной ерундой?

– Еще какое.

Альварес вздыхает, аккуратно гасит окурок сигариллы в большой керамической пепельнице и вдруг делится сокро-

венным:

– Ты, Роб, конечно, можешь мне не верить, но я тебе много раз говорил: кому-то очень нужно, чтобы наши успехи оказались не слишком большими.

По-английски он говорит смешно, особенно тогда, когда требуется изложить что-нибудь существенное.

– Почему ты так считаешь? Обычная рутина.

– А потому, Роб, что я предложил еще год назад резко усилить интенсивность воздействия лучей, но меня даже слушать не стали.

– Предосторожность, – спокойно отвечает Дейвон. – Ты же не знаешь, как далеко они могут распространяться. Вдруг доползут до Барбадоса или других населенных островов?

Альварес раздраженно машет рукой:

– Да брось ты! Все давно просчитано. Дело, я думаю, в другом...

– И в чем же?

– Они ждут какого-то нового компонента, – тихо произносит Альварес, – чтобы испытать установку на новой мощности. Я уверен в этом, Роб.

Дейвон отставляет в сторону пустой стакан из-под сока и так же тихо отвечает:

– Ты прав, амиго. Я даже знаю примерные сроки. Месяца через два...

Часть первая

Поиски и сомнения

1

«СПЕЦСООБЩЕНИЕ

Москва

2-е Управление ГРУ

Макарычеву

5 августа

Строго секретно

Дешифровано в 9-м Управлении: 13.54

От источника «Диксон» получены сведения исключительного значения. По словам одного из руководителей разведывательных служб США, в середине августа на территорию бывшего советского Полигона, расположенного на северо-востоке Украины, будет заброшен диверсионный отряд, целью которого является похищение стратегических материалов СССР (гриф особой секретности). В настоящее время не представляется возможным определить ни точные сроки его появления, ни конкретику оперативной задачи. Обращаю внимание на чрезвычайную ценность искомых материалов или компонентов для нужд Пентагона. Учитывая данное обстоятельство, прошу

обеспечить прямой канал связи для непосредственной личной передачи курьеру новых, более подробных сведений, если они поступят в мое распоряжение в течение ближайших дней.

Келлан».

*Северо-восточная Украина**Бывший Полигон Вооруженных сил СССР**16 августа**13.45*

Когда-то очень давно, в прошлом тысячелетии, полковник Калмыков стоял здесь же, у сворота проселочной дороги, где белыми тонкими остями развевался по ветру ковыль, стоял на краю неглубокого оврага и смотрел вниз.

Тогда, как и сейчас, был жаркий август, напоенный пряными запахами чабреца и полыни. Неровными увалами растилалась впереди успевшая порыжеть под южным горячим солнцем степь. Вдали, там, где небо и земля соединились в одно неразличимое серо-голубое марево, тогда находился Полигон. Отсюда нельзя было увидеть ни охранных вышек, ни пятиметрового бетонного забора, ни куполообразного, похожего на обсерваторию, здания Центра управления. Но дух этого зловещего места расползлся по окрестной территории на сотни квадратных километров, словно незрими тисками сдавливая степные просторы, окутывая мрачной тенью безысходности села и хутора, поля, засеянные пшеницей, элеваторы, шоссейные дороги, запруды на небольших речках, текущих в узких долинах. Если бы он знал в то время...

Это было еще до Чернобыля, до страшной правды о Семипалатинске. Никто из местных жителей тогда не мог и представить, какая опасность таится совсем рядом от их домов, пытается проникнуть в их жизнь черными отравленными стрелами смерти. Никто не знал об этом тогда, никто не знает об этом и теперь. Поскольку здесь не помогут счетчики Гейгера. Тут бессильны специалисты-химики, физики-ядерщики, биологи. Опасность исходила от приборов, о силе которых по-настоящему были осведомлены всего несколько человек в мире: Главный разработчик, Главный конструктор, Начальник Полигона, Министр обороны и Председатель КГБ. Секретность работ обеспечивалась на особом уровне, а решение об испытаниях санкционировалось высшими должностными лицами государства.

Калмыков, щурясь от яркого солнца, бьющего прямо в глаза, всмотрелся в силуэт хищной птицы, медленно, словно дельтаплан, парящей над выжженными просторами. Похоже, что степной орел. Редкая встреча...

Он повернулся к водителю, чернявому сержанту по фамилии Бобриченко, который беззаботно курил, присев на траву рядом со штабной машиной – потрепанным «уазиком». Догадывается он хоть на микрон о том, куда привез своего командира? Радуетесь небось. До дембеля всего пара месяцев, отличная погода, завтра обещана увольнительная, значит, можно отправиться к своей зазнобе (Калмыкову было известно, что у парня в поселке такая есть).

– Пора ехать, Анатолий Дмитриевич?

Полковник кивнул, медленно прошел к дверце машины. Зачем он разрешил сержанту подобное панибратство, зачем поощряет неуставное обращение во время этих довольно частых выездов? Конечно, личный водитель начальника штаба – блатная должность. Военнослужащие тут быстро разбалтываются, как плохо прикрученные гайки, и позволяют себе то, о чем обычный солдатик даже и помыслить не может.

Бобриченко забрался за руль, завел мотор, поправил зеркала заднего вида, осторожно повел машину.

– А говорят, что на Полигоне подземный бункер сохранился. Это правда?

Вот, пожалуйста, еще одно подтверждение! Даже не пытается скрыть своего праздного любопытства.

Но одергивать сержанта не хотелось. В конце концов, пусть лучше узнает информацию от полковника, чем будет кормиться байками. О бывшем Полигоне ходит множество слухов, как среди солдат соседних частей, так и среди младшего офицерского состава. Все они крайне далеки от истины. Правду до сих пор почти никто не знает. Да и сам Калмыков докопался до нее случайно. Почти случайно...

– В настоящее время, Бобриченко, Полигон, как тебе хорошо известно, полностью ликвидирован. Никаких строевых и подземных ходов коммуникаций там не сохранилось и сохраниться не могло. Не повторяй досужих измышлений.

Полковник открыл походный, изрядно помятый порт-

фель, достал папку с детальными планами учений, демонстративно углубился в свои штабные бумаги, давая понять, что любые дальнейшие разговоры прекращены.

Это Бобриченко научился отмечать давно, недаром возит Калмыкова уже целый год, успел узнать привычки полковника. Поэтому больше ничего не сказал. Машина уверенно двигалась вперед на средней скорости. Водитель старался ровно вести «уазик» на неровных колеях проселочной дороги и даже не просил разрешения включить радио.

За окном расстилалась все та же выжженная солнцем степь. Странно, что такую большую территорию до сих пор используют не в полную силу. Редкие стада крупного рогатого скота, высоковольтные линии электропередачи, далекие домишки небольших деревень, лесополосы, ощетинившиеся жнивьем поля, где уже убрали пшеницу. Вон задымились вдали трубы ТЭЦ – значит, скоро сворот на шоссе...

«Уазик» зарычал, взбираясь на взгорок рядом с зарослями акации, и вдруг резко остановился, словно врезался в невидимый барьер.

Калмыков не успел сразу ничего понять – так быстро, необратимо и страшно все произошло.

Бобриченко стремительно уронил голову вниз, уткнувшись лбом в приборную панель, откуда на рычаг переключения передач потекли струи крови. А весь салон засыпала крупа разбившегося вдребезги лобового стекла. Тут же правая задняя дверца распахнулась, и на Калмыкова уставились

стволы двух автоматов.

– Выходим, полковник! Как можно быстрее! И без глупостей...

Северо-восточная Украина

Окрестности Полигона

16 августа

16.30

Иногда бывает трудно распознать, откуда исходит опасность.

Бойцу спецподразделения, имеющему за плечами немалый опыт силовых акций далеко не в дружественных странах, кажется, стыдно допускать промахи. Но всего не предусмотреть никогда.

Митин остановился у угла сарая, прижался к нагретым солнцем бревнам, вслушался. Тишина. Вдалеке – еле различимый шум мотора. Это работает трактор в километре севернее. Шумит листьями нескольких ив легкий ветерок. Вот и все звуки. Неужели померещилось?

Прямо по курсу – проселочная дорога, у самого горизонта уходящая в лес, справа – ветхая изгородь, слева – дряхлый колодец с подгнившими нижними венцами, сзади – стена развалившегося сарая.

Митин пришел с востока, со стороны реки. Конечно, можно было отлежаться до темноты в прибрежных зарослях. Но сейчас еще половина пятого. Какой смысл терять столько времени? Если его предположения верны, отряд может

скрыться окончательно и бесповоротно.

Как же хочется курить! Митин сглотнул слюну, облизал пересохшие губы, бесшумно вытянул флягу из бокового кармана камуфляжной куртки, сделал осторожный глоток, ни на секунду не выпуская из виду сектор обзора.

Чутье спеца не может обманывать – рядом кто-то есть. Расстояние – не меньше ста метров, не больше двухсот. Так что сарай исключается. Важно также, что объект неподвижен. Он или сидит в схроне, внимательно отслеживая обстановку, или отдыхает, но при этом не потерял бдительности.

Конечно, второй вариант предпочтительнее. Но гарантий здесь нет и быть не может.

Что делать? Мысленно подбросить вверх монетку? Выпадет орлом – продолжить путь, решкой – вернуться к реке. Трудный выбор.

Митин почувствовал опасность, когда подошел к колодезю. Хотел достать воды, наполнить флягу, она была почти пустой. И именно в тот момент услышал невнятный звук. Но мало того. Еще и ощутил чье-то *присутствие*. Точнее, *присутствие чужого*. Возможно, это и враг. Один шанс из ста, что Митин сумел так быстро догнать отряд. Один шанс из двух, что тут окопался их разведчик, прикрывающий пути отхода.

Митин сконцентрировался, стараясь максимально верно оценить характер угрозы. Его увидели? Маловероятно. Ожидают появления в этом месте, чтобы произвести захват?

Вряд ли. Тогда что же? Напрашивается простой вывод – кто-то всего лишь контролирует обстановку, опасается сделать неверный шаг и тоже ощущает приближение опасности.

Верно. Правильный ответ – его тоже *почуяли*. Одновременность реакции говорит о высоком профессионализме. Ведь обычный человек не в состоянии проявлять такие способности. Здесь речь может идти только о спеце с солидным боевым опытом.

Когда-то их учили действовать в одиночку. К примеру, оперативная задача выглядит так. Вражеская территория, группа уничтожена, связь с центром отсутствует, ты – единственный носитель важной секретной информации и должен скрытно покинуть недружелюбные места. Простор для любых действий, включая силовые, неограничен, есть возможность использования любых легенд, подтверждающих инфильтрацию в заданный район. Оружия, продуктов и денег нет (в запасе – только плитка шоколада), общение с местными жителями в любой форме также исключается.

При таких исходных условиях спецназовец должен задействовать скрытые резервы своего организма, пересилить себя, стать зверем, опираться не столько на разум, сколько на инстинкты.

Инструкторы без конца устраивали один и тот же экзамен: помещали испытуемого в изолированный (обычно лесной) район площадью не меньше пяти квадратных километров и заставляли находить скрытых наблюдателей на расстоянии

по крайней мере в сто – сто пятьдесят метров. Митин в конце концов научился безошибочно выполнять это упражнение.

Трудно сказать, какие здесь действуют факторы. Скорее всего обостренная специальной тренировкой чувствительность позволяет организму откликаться на чужую ауру, на какие-то биоэнергетические токи другого человека. Очевидно одно – ощутить на расстоянии присутствие постороннего (в замкнутом пространстве это вообще ерунда) вполне реально.

На проселочной дороге показалась едва заметная черная точка. Машина. Только этого не хватало. Но нет – она свернула в сторону. Кажется, грузовик. Едет на соседние поля.

Для чего этот сарай? Вопрос на засыпку. Скорее всего раньше, когда тут в полную силу работало колхозное хозяйство, здесь выпасали в ночном лошадей. Потому и колодец под боком. А в сарае можно кемарить, хранить сено и скрывать коней от непогоды. Разумная мысль...

Прошло уже почти десять минут. Митин не двигался, прижимаясь к теплой стене сарая. *Присутствие чужого* сейчас определялось не столь отчетливо, но он был убежден, что затаившийся противник по-прежнему находится в стационарной точке. Кстати, при движении объекта чуть может выдать неверный азимут. Ну же, старина, напряги свою интуицию! Точнее, наоборот, отпусти ее на вольный выпас, как колхозного мерина...

Митин сделал два осторожных шага вправо, остановился,

продвинулся дальше еще на полметра, опять застыл. Надо что-то делать. Ждать больше невозможно.

Рывком он в один миг достиг края сарая, бесшумно упал в заросли крапивы под сенью огромного лопуха, распростершего в стороны свои гигантские листья, как настоящее дерево.

Пять, десять, двадцать, тридцать секунд. Минута, вторая.

Ни единого звука, ни малейшего проявления *чужого присутствия*. Неужели все-таки ошибка? Хорош командир группы! Лопух под лопухом. Убивать таких надо.

Словно в ответ на эту мысль прямо над его головой просвистела пуля, колыхнув листья репейника.

Швеция

Стокгольм

29 июля

21.25

Сообщение Келлана было подтверждено неожиданным образом, причем в обход агентурной сети. Информация пришла со стороны. Пришла совершенно случайно.

Летом в Стокгольме проходила международная научная конференция по проблемам использования биоресурсов арктических морей. Руководитель российской делегации член-корреспондент Российской академии наук Александр Павлович Борщагин двадцать девятого июля, на торжественном банкете в последний день заседаний, имел удовольствие выслушать крайне странную историю.

Инициатором разговора выступил доктор Юргенсон, крупнейший специалист по фитопланктону, известный своими радикальными выступлениями в шведской прессе, направленными против природоохранной организации Гринпис.

– Эти идиоты, – Юргенсон, выпив даже пару фужеров коньяка, краснел как рак и приобретал дар красноречия, которого в обычном состоянии был начисто лишен, – эти идиоты даже не понимают, с чем пытаются бороться! Сражаться

с техногенной цивилизацией не только глупо, но и преступно. Ладно, когда надо умерить аппетиты нескольких транснациональных корпораций, озабоченных идеей свести на нет тропические леса, тут я еще готов даже поплодировать этим парням, но защищать Мировой океан! Да мы даже не используем его на пять процентов. На пять, вы понимаете, Александр? Морские экосистемы – самые устойчивые из всех, какие я только знаю. Это все равно что защищать космос от незапланированного проникновения летательных аппаратов!

– А аварии нефтяных танкеров? – осторожно спросил немецкий ихтиолог Клаус Циммерман, третий участник беседы (они отгородились от шумных речей у небольшого столика в углу ресторана). – Я думаю, что эти катастрофы могут вызывать закономерное беспокойство. Так же, как и нарушение некоторыми странами квот по рыбному промыслу.

Разговор шел по-английски, которым и швед, и немец владели в совершенстве, а Борщагин мог похвалить себя только за то, что хорошо понимает смысл изреченного, но сам говорит, запинаясь, используя примитивные речевые обороты, словно скопированные из учебника. Поэтому он предпочитал помалкивать и вступать в дискуссию только в самом крайнем случае.

– Проблема нефти, – Юргенсон резко взмахнул рукой («The oil problem – звучит идиотски, англичанин так бы не сказал», – подумал Борщагин), – до такой степени политизи-

рована, что дальше, как говорится, идти некуда! Да, аварии наносят временный локальный ущерб. Но локальный, Клаус! Хотя бы один из этих мастеров лить словесную грязь, которая пострашнее нефти, удосужился бы пару раз произвести точные замеры на месте катастрофы спустя несколько лет. Была бы полная чистота. Полная! Экосистемы умеют мгновенно залечивать раны. Тем более морские.

– А морские течения? Естественная седиментация? Наконец, трофические цепи? Какие-то компоненты унесены на сотни миль, что-то в процессе осадконакопления оказалось на дне, а что-то, извините, потребили любители океанских деликатесов. – Циммерман кивнул на остатки блюда из филе трески, которое лежало на тарелке прямо перед неугомонным шведом.

– Удар ниже пояса, – Юргенсон энергично закурил трубку, одаря собеседников ароматом прекрасного табака, – а если употреблять точные выражения, самая настоящая провокация. Вы используете методы этих прохвостов! Доказать ничего нельзя! Ничего! Одни слова...

Он глубоко затянулся и вдруг отложил дымящуюся трубку в сторону, как-то помрачнел.

– Правда, уважаемые коллеги, я недавно узнал некоторые шокирующие факты. Если эти данные соответствуют действительности, настоящая опасность крадется совсем из другого угла...

– Наверное, Гринпис хочет взорвать атолл Муроруа, что-

бы обвинить во всем бывшего президента Франции, – ехидно заметил Циммерман, но Юргенсон никак не ответил на саркастическую реплику.

Он целую минуту сидел молча, потирая свои широкие грубые руки рыбака, потом опять взял трубку, которая уже успела потухнуть.

– Вместе со мной в университете учился один американец. По происхождению – швед, мать до сих пор живет в Мальмё. Собирался заниматься экологией кальмаров, даже подавал неплохие надежды. Но потом неожиданно бросил науку и ушел, куда бы вы думали? В разведшколу. Естественно, находящуюся под контролем США. Я, конечно, об этом не знал, так же, как и все наши однокурсники. Но вот недавно парень случайно мне встретился в Стокгольме. Мы с ним посидели, поговорили, выпили «Абсолют», вспомнили юность. Оказывается, его только что уволили из секретной службы (он мне не сказал, из какой). О работе там он помалкивал. Общий треп про жизнь. Деньги, женщины, дети. Потом он налился, как финн («Не любят шведы своего бывшего вассала», – подумал Борщагин) и стал меня пытаться про науку. Что да как. И вот вдруг...

Юргенсон прервался, закурил потухшую трубку и внимательно посмотрел сначала на Циммермана, потом на члена-корреспондента РАН, словно пытался определить степень их открытости.

– Если бы я вам не доверял, коллеги, то говорить ниче-

го бы не стал. Информация эта даже не секретная, а, знаете, из той категории, что именуется «extraordinary». Все дело в собеседнике. При обычных условиях у меня отсутствовали бы основания поверить («Казенный американизм», – машинально подумал Борщагин про строение фразы, всерьез заинтересованный рассказом). Но Клайв! Трудно найти человека, более далекого от розыгрыша и выдумки!

– Олаф, вы нагнетаете в нашем тесном кругу нездоровую атмосферу сенсации, – улыбнулся Циммерман. – Пора бы уже пояснить, в чем суть вопроса.

Юргенсон выпрямился, опять церемонно отложил трубку в сторону и взглянул на Борщагина:

– Вы, Александр, должны были об этом слышать. В последнее время ваши русские коллеги много писали о лженаучной теории торсионных полей.

Член-корреспондент РАН улыбнулся. Как раз перед выездом на конференцию он прочитал разгромную статью академика Гинзбурга, посвященную разоблачению этой новой современной «лысенковщины». Не вдаваясь в суть проблемы, благо она была чрезвычайно далека от животрепещущего вопроса поддержания биоразнообразия морских экосистем в западной части Северного Ледовитого океана (именно такой теме был посвящен стокгольмский доклад Борщагина), Александр Павлович мог уверенно констатировать: торсионные поля – очевидная выдумка шарлатанов от науки. Вкратце, очень аккуратными английскими фразами, в кото-

рых преобладали безличные обороты, он постарался донести эту мысль до обоих участников беседы.

– По-моему, однозначная ересь, – кивнул Циммерман. – У вас другая точка зрения, Олаф?

– Была такая же, – швед потер свои ручки и поочередно взглянул на коллег, – до тех пор, пока я не услышал Клайва. Называется это у них особым термином, но ведь дело, как вы прекрасно понимаете, совсем не в названии. Я не разбираюсь на достаточном уровне в вопросах современной физики, но кое-что читал. И убежден, что неизвестное или толком не изученное по тем или иным причинам излучение, формирующее особый тип поля, вполне может существовать.

– А при чем здесь морские экосистемы? – Скептически настроенный немец не мог сдержать пренебрежительной усмешки.

– При том, уважаемые коллеги, – Юргенсон наклонился вперед и произнес, заговорщицки понизив голос, – что в России и Америке давно созданы приборы, основанные на принципе действия торсионного излучения, способные лишать нормальных процессов жизнедеятельности все биологические объекты в радиусе нескольких десятков, а то и сотен километров. Американцы избрали в качестве полигона морскую акваторию в Атлантическом океане, где и работал Клайв. А вот про русских точно ничего не известно. Но их достижения, как утверждал мой приятель, куда более значительны. И самое важное, – Юргенсон перешел на шепот, ед-

ва слышный его собеседникам, – Клайв уверял меня в том, что американцы хотят найти в России эти разработки...

*Северо-восточная Украина**Полигон**16 августа**15.35*

Полковник Калмыков очнулся в полной темноте. Первая мысль (и нельзя сказать, что она была в данных обстоятельствах совершенно бредовой) закономерно убеждала в том, что с земной жизнью отныне покончено и можно поздравить себя с перемещением на тот свет. Точнее, на ту тьму...

Он потерял сознание через пять минут после того, как четыре человека, одетые в камуфляж, включающий и глухие колпаки для лица, атрибут знаменитых спецназовских «наездов», заставили его забраться на заднее сиденье неприметных серых «Жигулей». Как только машина тронулась с места, полковник получил ощутимый удар в висок, после которого и потерял способность внятно воспринимать происходящее.

Вероятно, его вырубил профессиональным приемом. Это очевидно хотя бы потому, что он находился не в полной «отключке» и некоторое время слабо фиксировал окружающую действительность, хотя и не мог сказать в точности ничего про маршрут движения.

Видимо, где-то через час после нападения машина остановилась, и дальнейшего Калмыков уже не помнил. Сколько он уже находится здесь? Несколько часов? Несколько суток? И, главное, кто эти люди?

Нападение совершено грамотно. Работала, безусловно, какая-то специальная команда. Это, само собой, не бандиты с большой дороги. Да и для чего гангстерам нужен полковник? Выкуп предложить его семье, вытребовать скромную полковничью зарплату? Ответ очевиден – похитителям требуется иное. Информация, которой обладает Калмыков. Но и тут полная неясность.

В последнее время он не имел практически никакого отношения к таким материалам, которые хоть в какой-то мере можно отнести к разряду секретных. Обычная штабная работа, армейская рутина. Самые важные сведения содержались в потертom портфеле, ныне оказавшемся в руках нападавших. Но, как говорит в таких случаях двадцатилетняя дочка Калмыкова: «Это не супер, папа!» Кому нужны данные о планируемых через месяц учениях? О них даже в киевской армейской газете писали. Чушь несусветная! Для этого, кстати, полковник и приехал на территорию бывшего Полигона. Здесь очень удобно разместить замаскированный штабной пункт, откуда можно вести контроль за действиями подразделений.

Он вспомнил, о чем размышлял, сидя на краю проселочной дороги. И вдруг вздрогнул. Нехорошая мысль светя-

щимся метеором пролетела по его сознанию. Полигон...

Калмыков являлся одним из немногих людей, кто получил закрытую информацию о производимых здесь в прежние годы испытаниях. А вдруг необходимы как раз эти материалы? Только кому? Кому и для чего?

Полковник пошевелился, приподнялся на локтях, ощутив при первом движении, как пульсирующей болевой точкой отозвалась правая часть головы. Судя по всему, он находился в каком-то подземном бункере. Пол холодный, каменный. Калмыков кашлянул. Любые звуки распространялись здесь с относительной гулкостью. Значит, помещение не очень большое. Наверное, его площадь примерно соответствует размерам столовой в родной войсковой части.

Калмыков встал, сделал несколько шагов наугад. Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять, одиннадцать, двенадцать, тринадцать, четырнадцать, пятнадцать, шестнадцать, семнадцать, восемнадцать...

Стоп! Он уперся рукой, которую, как слепец, протянул вперед, в шероховатую преграду. Тяжело присел на пол, нащупал пальцами какую-то ветошь, оперся спиной о стену. Да, никогда полковник не попадал в подобные переделки. А в сходных условиях находился только в курсантской юности, когда сидел за самоволку на гауптвахте военного училища.

А ведь вот в чем может быть дело! Он когда-то участвовал в работах по обустройству нижних ярусов подземных сооружений около Центра управления Полигона. И знал лучше

многих схему расположения коллекторов. Господи, неужели его привезли туда? Но зачем?!!

О секретных разработках на Полигоне Калмыков не имел никаких сведений. И получил информацию об этом всего три года назад, во время своей короткой командировки в Москву в составе группы военных экспертов. Он представлял украинскую державу, поэтому не мог даже предполагать, что старый друг, Игорь Стеклов, ныне занимающий ответственную должность в одном из российских секретных ведомств, с которым они пересеклись совершенно случайно, узнав, что полковник проходит службу в этом районе, вдруг спросит:

– А ты был на Полигоне?

– Где?

– Да не парься, Толик. – Стеклов улыбнулся. – Сам понимаешь, о чем я. У нас есть свои источники. Ты же там когда-то работал...

Калмыков внимательно посмотрел на постаревшее заматеревшее лицо приятеля. Они давно не виделись, а люди с годами сильно меняются. Кем сейчас стал Игорь?

– Работал двадцать лет назад. Потом не был ни разу, – солгал полковник. Неужели Стеклову известно, что он и в последнее время приезжал на Полигон, спускался в разрушенные бункеры, два раза организовывал на этой территории командно-штабные учения?

– Вот что, Толя, я из тебя клещами сведения не вытяги-

ваю. Ведь это по сути раскрытие военной тайны представителю чужой страны, – усмехнулся Стеклов.

Старый друг, мало что по званию был существенно старше Калмыкова, так еще принадлежал к элите другой державы. Сам полковник плевать хотел с высокой колокольни на все эти межгосударственные дразги, но интерес к такой теме его поразил.

– Игорь, а зачем тебе это?

– Видишь ли, старик... – Стеклов замялся, прошелся по своему большому кабинету, почесал затылок. – Как бы тебе это попроще обрисовать? В общем, скрывать от тебя ничего не стану. В конце концов, мы с тобой из одного котла щи хлебали. Нам очень нужны сведения о современном состоянии дел на Полигоне. Ну так вот...

Он остановился у окна, сложив руки за спиной, потом резко развернулся, поднял рюмку с дорогим коньяком (в честь встречи генерал распаковал особые запасы спиртного) и сказал:

– За тебя, Толик!

Калмыков тоже выпил, закусил ломтиком лимона.

– Я понимаю, конечно, что выпытываю сейчас закрытую информацию, но по-другому никак не получится. Нам позарез требуются данные о том, что там делается.

– Но я же ничего не знаю...

– Не прибедряйся, Толик. Ты можешь сказать мне хотя бы одно – недавно там кто-нибудь из ваших себя проявлял?

Калмыков колебался. Разве можно рассказывать о том, что ему известно? Друг-то друг, но вообще это пахнет изменой воинской присяге.

– Наша часть к Полигону никакого отношения не имеет. Да, находимся рядом, в тридцати километрах, но больше нас ничего не связывает.

Стеклов долго бродил по кабинету, не говоря ни слова, как волк в вольере зоопарка. Потом неожиданно резко развернулся и сел за стол напротив полковника:

– Послушай, Толя... Я тебе сейчас кое-что расскажу. Но поклянись, что ты никому, ни единому человеку, об этом не заикнешься. Дело тут такое...

Калмыков иронически взглянул на Стеклова:

– Ты же меня знаешь. Тем паче что мы теперь – почти что стратегические противники.

– Деталей я, само собой, не ведаю. В советское время подобная информация доводилась только до уровня министра обороны. Но известно мне следующее... Во времена Брежнева на этом самом Полигоне, помимо официальных, санкционированных командованием испытаний обычных видов вооружения, проводились совершенно секретные эксперименты с неизвестным типом физического излучения.

Полковник не мог оставить саркастического тона:

– Что же может сделать это твое излучение? Полностью заблокировать систему противовоздушной обороны страны?

– Да нет, Толя... Даже при наименьшей мощности гене-

рирующих приборов, – Стеклов сжал челюсти, – *полностью* уничтожить все живое на площади в десятки квадратных километров...

*Северо-восточная Украина**Окрестности Полигона**16 августа**16.41*

Митин отругал себя последними словами. И было за что. Он чуть не попался. Как школяр, пацаненок!

Стреляли с близкого расстояния (из армейской винтовки западного производства, точнее не сказать), метров с пятидесяти. Для профессионала это гарантированное попадание в «яблочко» по имени Валера Митин. Его спасла реакция и небрежность стрелка.

Откатившись за угол сарая, он стремительно приготовил к бою модификацию «Клин» пистолета-пулемета «Кедр» [Пистолет-пулемет «ПП-91» «Кедр» («Клин») под патрон 9 мм «макаров» имеет магазин на 30 патронов, поднятый диоптрический прицел и специальную мушку, позволяющую устанавливать на ствол глушитель. Модификация «Клин» может стрелять как обычным патроном 9x18 мм, так и патроном повышенной мощности. Конфигурация дает возможность выбирать режим огня (одиночный и автоматический). Кроме того, пистолеты-пулеметы этой конструкции оснащены отдельным курковым механизмом, что позволяет производить выстрел при закрытом затворе. Принадлеж-

ности: глушители и лазерные целеуказатели. Вес – 1,82 кг. Длина ствола – 120 мм.]. Дальнейшие движения отработаны многолетней спецназовской практикой: выход из укрытия в стороне от директории первого выстрела, широкая веерообразная очередь, по дуге рассекающая все возможные точки укрытия противника, переход вправо, фиксация ответного огня, незаметное перемещение на предыдущую позицию, новая очередь...

Враг был один. Это не вызывало ни малейших сомнений.

Еще одна пуля, выпущенная с большей меткостью, гарантированно сразила бы Митина наповал, если бы он секундой раньше не сделал широкий фальшбросок на два метра влево, на самом деле оставшись на том же месте.

Противник серьезный. Но он без поддержки. И, похоже, у него проблема с патронами.

Две минуты наблюдалась полная тишина. Даже трактор перестал рычать мотором на краю поля. словно для того, чтобы два спеца смогли конкретно выяснить свои отношения.

Митин отполз вправо, стараясь не задевать листья репейника и стебли крапивы.

Сейчас существуют три примерно равнозначных варианта. Первый – ждать, пока стрелок опять проявит себя. Второй – попытаться захватить его живьем, обежав сарай с другой стороны. Третий – вызвать врага на продолжение дуэли, заставив тем самым раскрыть огневую точку. Впрочем, если

противник – действительно конкретно подготовленный профи, то не сидел на месте, а тоже постоянно менял место временной дислокации, перемещался в активном режиме, делал фальшброски.

Второй вариант – наиболее рискованный. Но Митин в конце концов выбрал именно его.

Прижавшись к нагретой солнцем стене сарая, молниеносно оказался у другого края, на теневой стороне, нырнул в густые заросли крапивы. Колючки чертополоха в какой-то момент больно царапнули по щеке. Переложив в левую руку «Кедр», добрался до угла, залег здесь, не шелохнув ни одного травяного стебля.

Сейчас самое главное – понять тактику этого одинокого стрелка. Мог ли он допустить, что Митин пойдет в обход, и соответственно резко переместиться вбок, уйти с прежней огневой позиции? Если котелок у парня варит на приличном уровне, вполне мог. Только как это узнать? Судя по меткости первого выстрела, легко допустить, что противник имеет на своей винтовке оптику. Тогда дело швах...

Митин прополз три метра вперед с осторожностью гадюки, подбирающейся к птичьему гнезду. Замер, поймав себя на крайне неприятной мысли. А вдруг стрелок уже ушел вперед, отпугнув погоню? Что, если диверсионная группа оставила его в арьергарде с целью «решетить» пространство редкими пулями, а потом отходить в сторону, отвлекая внимание преследователей и дезинформируя о реальном направ-

лении движения группы?

Один шанс из десяти, что его можно взять живьем. Профи из «охранного кордона» никогда не позволит себе попасть в плен и стать «языком». Надо идти напрямую!

Митин протянул руку к основанию осевших полусгнивших бревен, бесшумно подтянул к себе небольшой камень, лежавший у самой стены, размахнулся и метнул вперед. Оказавшись одновременно с этим броском на несколько метров правее, он приподнялся над листьями лопуха, поливая пространство широкой очередью.

Откинув свое тело еще на три метра, Митин замер в зарослях, вслушиваясь.

Полная тишина. Мало того. *Чужого присутствия* более не ощущалось. Похоже, он не ошибся. Шуганув преследователя метким выстрелом, за пять минут одинокий диверсант успел отсюда свалить. Профи за такой отрезок времени в силах преодолеть почти полкилометра. Ищи теперь ветра в поле.

Митин расслабил мышцы, сел, почти не таясь, у стены сарая и, возмущенно сплюнув, вытащил пачку сигарет.

Как все-таки плохо, что приходится действовать в одиночку. Даже учитывая свои индивидуальные особенности и характер специальной подготовки. Иногда помощь соратников предельно необходима. Например, сейчас...

Его группа осталась в десяти километрах южнее, прямо у развалин бывшего подземного бункера. Она будет сидеть и

ждать своего командира до упора.

Самое главное, что Митин не имел права брать сюда ни одного человека. Ведь там – более ответственный участок. Все четыре спеца вместе составляют спаянную боевую единицу, все незаменимы. Никто не знает, как поведет себя враг. Никто не знает, покинул он территорию Полигона или нет. Судя по тому, что произошло совсем недавно, получается, уже покинул. И даже ухитрился выставить охранение на пути погони. Возможны, впрочем, и иные варианты. Вплоть до открытой дезинформации. Может быть, это дублирующий отряд?

И вот что еще плохо. Приняв решение двинуться по наиболее вероятному пути отхода диверсантов, Митин реализовывал резервный вариант операции «Полигон». Он имел полное право в любой момент направить вместе с собой всю группу, если обстоятельства сложились бы соответствующим образом. Но крайне нежелательно было дробить отряд, тем более уходить в разведрейд одному. Если он своим превентивным преследованием спугнул противника, ситуация становится еще более удручающей. Тогда можно себе вообще поставить жирный «кол» за оперативную смекалку.

Он затушил недокуренную сигарету, вдавив ее в сыроватый чернозем под корнями лопуха. Вздохнул и медленно пошел вдоль стены сарая, убрав в специальную кобуру пистолет-пулемет «Кедр».

Москва

12 августа

14.10

Борщагин долго колебался перед тем, как пойти со своей информацией в соответствующее ведомство.

Да собственно говоря, ничего воистину сенсационного он не узнал. Торсионное излучение? Ну и что? Все может быть. Те дилетанты, которые распространяют сведения о нем в средствах массовой информации, вероятно, не имеют никакого отношения к реальным военно-промышленным разработкам. Возможно, наши уважаемые академики пытаются бороться с ветряными мельницами, ведь, как известно, теоретические постулаты и реальная научно-техническая работа по новым методикам – разные вещи, лишь косвенно связанные друг с другом.

Александр Павлович размышлял об этом, когда через четыре дня после своей командировки приехал в родной институт. Проведя с коллегами дежурное обсуждение итогов конференции, Борщагин уединился в собственном кабинете.

Он никогда не пытался хоть в какой-то мере противодействовать властям предрежущим. Но никогда и не делал попыток им помогать. Когда-то давно, в далекие, улетевшие в вечность годы застоя, Александра Павловича пытались при-

влечь к негласной общественной деятельности сотрудники соответствующих спецслужб. Но ему удалось, проявив незаурядные качества подлинного служителя науки и настоящего российского интеллигента, выпутаться из расставленной ловушки. Так что не пострадала ни его карьера, ни авторитет, причем прежде всего в своих собственных глазах.

Сейчас совсем другое время. Но имеет ли он право с легкостью гимназического фискала вступить на тот путь, который в перспективе может связать образ известного ученого с сомнительными государственными структурами? Юргенсон – человек эмоциональный. Как знать, а вдруг все эти сведения – всего лишь полуфантастическая интерпретация реальных событий? Ошибка здесь фатально грозит незапятнанной репутации члена-корреспондента РАН.

Борщягин включил компьютер, забрался в Интернет, не отвлекаясь от своих тяжелых дум. Почти механически набрал в поисковой системе слова *«торсионное излучение»* и невольно вздрогнул, когда в выпавшем первоначальном наборе сайтов увидел грозную фразу: *«Торсионный геноцид вполне реален, считает доктор Грейви...»*

Борщягин, впрочем, тут же усмехнулся, когда в другом месте прочитал: *«Современные технологии, основанные на действии торсионных облучателей, способны до предела изменить жизнь обычных людей. Торсионный сигнал проявляет себя в невидимом диапазоне с модулированными электромагнитными импульсами. Воздействуя дистанционно, про-*

никакая через все естественные преграды, он влияет на любые биологические объекты. Эти узконаправленные лучи способны приводить к страшным последствиям. Превратившись в зомби, человек не может совершать даже естественные физиологические реакции. Нормальная локомоция, потребление пищи, мочеиспускание и т. д. становятся невыносимым бременем. Чудовищные боли, спазмы, потеря рассудка и двигательной активности, временная или постоянная недостаточность кровоснабжения, фатальная стенокардия являются лишь предварительными симптомами общего ухудшения здоровья, в результате в девяносто семи процентах случаев приводящими к летальному исходу».

Информация из web-сети ничего нового, по сути, не принесла. Так, обычный треп, который по гамбургскому счету не стоит ломаного гроша. Но спокойствие Борщагина покинуло окончательно и бесповоротно.

Александр Павлович отказался от двух важных встреч с коллегами, просидел в своем кабинете, не отвечая на непрерывные телефонные звонки, еще часа два, потом решил, что нужно ехать домой.

Однако и там подлинного покоя не нашел. Постоянные сомнения изматывали его с профессиональной садистской последовательностью. «Ерунда, пьяная банкетная болтовня», – пытался убеждать он себя, сидя в своем любимом кресле у окна и раскуривая пятую по счету трубку. Но какой-то неизвестный противник в сознании упрямо утверждал обратное.

Ничего не помогло: ни четыре чашки крепкого кофе; ни две рюмки отборного коньяка; ни тщательное штудирование текста собственного доклада, который, по мнению всех участников конференции, являлся не только удачным, но даже в каком-то смысле сенсационным; ни получасовой разговор с женой, отдыхавшей сейчас с двумя дочками в Египте; ни нервное перелистывание недавно изданной монографии, написанием коей Александр Павлович втайне гордился...

Часам к восьми вечера, изрядно измаявшись от нескончаемой внутренней борьбы, Борщагин махнул рукой на свои старинные принципы и набрал телефон справочной ФСБ.

– У меня есть чрезвычайно важная и срочная информация, – деревянным голосом произнес он в ответ на вопрос дежурного.

*Северо-восточная Украина**Полигон**17 августа**00.12*

– Я повторяю. Где и у кого могут быть детальные планы подземных сооружений Полигона?

Яркий свет мощного фонаря, закрепленного на вентиляционной задвижке на верху стены, у низкого потолка, резал глаза. Калмыков жмурился, отворачивал голову, но нестерпимая горящая лава ослепляла его с фатальной силой. Уже два часа эти люди в камуфляжных костюмах вели основательный допрос. Они не применяли физических мер воздействия, если не считать чудовищного сияния, но было совершенно очевидно, что, если будет такая необходимость, не остановятся ни перед чем...

Калмыков уже догадался, что он находится в одном из заброшенных зданий Полигона, хотя совсем недавно уверял несчастного водителя Бобриченко, что тут ничего не сохранилось. По-видимому, это подземный ярус, метров на десять ниже дневной поверхности. Хотя точно сейчас не скажешь. Данное помещение было гораздо меньшего размера, чем подвальное, величиной с кабинет начальника штаба.

– А я еще раз повторяю. Я не знаю. Не знаю ничего кон-

кретного.

Допрос вели двое: высокий широкоплечий мужик средних лет и худой приземистый парень, похожий на сотрудника преуспевающей фирмы. Вопросы чередовались, поступая то от одного, то от другого дознавателя. Но особенно усердствовал «клерк». И вот вышел из себя и заорал омерзительным голосом:

– Знаешь! Рассказывай все! Иначе тебе не жить!

– Значит, такая судьба, – спокойно ответил Калмыков.

Худой вскочил с места и резким движением отозвал в сторону широкоплечего. В течение минуты они о чем-то совещались приглушенным шепотом.

Широкоплечий наконец развернулся в сторону полковника и медленно произнес:

– У вас есть реальная возможность выйти отсюда живым и невредимым только в том случае, если вся известная вам информация окажется в нашем распоряжении. Искренне советую не упорствовать.

Калмыков усмехнулся:

– Думаю, что в таком случае выйти отсюда живым и невредимым я точно не смогу. Я не столь наивен.

Тут отворилась тяжелая дверь, и около Калмыкова оказался еще один человек. Его лицо все время находилось в полумраке.

Войдя в эту импровизированную комнату для допросов, он отвернул в сторону фонарь, прекращая мучительную пытку.

ку светом. Потом коротко распорядился:

– Ник, Айс, оставьте нас.

Видимо, это был командир. Потому что оба дознавателя покорно вышли, не пытаясь перечить.

– Вас как зовут? – тихо спросил он Калмыкова, садясь на привинченный металлический табурет у стены.

– Анатолий Дмитриевич.

– Вот что, Анатолий Дмитриевич. У нас очень мало времени. Поэтому сами понимаете...

Эти слова, произнесенные спокойным бесстрастным тоном, подействовали на полковника гораздо сильнее, чем все те угрозы, которые он успел услышать за два часа допроса. Как будто могильным холодом повеяло в душе...

– И еще вот что я вам скажу. Я могу, не применяя никаких устрашающих методов физического воздействия, вытянуть практически любые сведения из самого стойкого человека. Есть, например, способ, именуемый английским словом «rapport». Переводится это как «связь, взаимодействие». Тренированный специалист в состоянии с помощью определенных техник подстроиться к тому, кого допрашивает. Достаточно дублировать, как в зеркале, его движения, повторять малейшие мимические реакции, чтобы полностью включиться в ритм работы чужого сознания. Тогда не потребуются никакие сложные и дорогостоящие детекторы лжи. Все требуемые данные будут получены без особых усилий. Только я не завидую донору. Результатом подобного опыта

станет длительное нервное истощение. Вы, как я вижу, не обладаете крепкой психикой. Так что не заставляйте меня прибегать к таким мерам.

Он замолчал, глядя в угол, где фонарь вырывал из тьмы яркую узкую дорожку, расплываясь на стене широким сияющим ореолом.

– Мы действительно можем прийти к соглашению. Если вы сообщите необходимую информацию, то я даю вам гарантию. Гарантию, что вы отправитесь домой живым и невредимым.

Командир неведомого отряда диверсантов пристально посмотрел в глаза Калмыкову. Полковник не отвел взгляда и почувствовал, что этот человек не врет.

– К тому же вы никак не нарушите присягу своей независимой Украине, – командир усмехнулся, – поскольку, насколько мне известно, те испытания, которые проводились на этом Полигоне, теперь принадлежат далекому прошлому. Тому времени, когда существовал Советский Союз. Нынешние украинские власти это не интересуется.

Он помолчал, потом спросил:

– Ну так как, вы принимаете мои условия?

– Что от меня требуется? – Калмыков тоже говорил очень тихо (он чувствовал, что балансирует на тонкой стене между двумя сферами, одна из которых именуется словом «предательство», а вторая – «жизнь»). – Мне были доступны приблизительные сведения. К тому же получил я их неофици-

альным образом. Поэтому не могу отвечать за точность.

– Нам требуется только одно, – командир встал и прошелся по комнате, низко наклонив голову, – планы подземных сооружений Полигона. Для чего, вам, естественно, я сообщить не могу, не взыщите.

– У меня их нет и быть не может. Почему вы вообще решились, что я могу их иметь?

Командир задумчиво почесал щеку:

– У нас была некоторая информация. Возможно, мы переоценили ее достоверность.

Калмыков вспомнил про Стеклова и не смог сдержаться:

– Часом не из Москвы?

И в этот момент понял, что лучше бы этого не спрашивал. Руководитель диверсионного подразделения не произнес ни слова, не сделал ни единого угрожающего жеста, даже не повернул головы, но полковник внезапно почувствовал всю силу его энергетики.

– Я вас предупреждаю в первый и последний раз, полковник...

Командир сел на табурет и внятно произнес:

– Рассказывайте все, что знаете. То, что я обещал, будет исполнено. Я не нарушаю условий соглашения.

Северо-восточная Украина
Окрестности Полигона
16 августа
19.40

Митин вернулся обратно на пять километров. Здесь он проходил несколько часов назад.

Присев в тени, в зарослях акации на небольшой лесополосе, которые, впрочем, совершенно не спасали от удушающего августовского зноя (хоть солнце уже медленно двигалось к закату), Митин медленными глотками допил воду из фляжки, прилег на желтую худосочную траву и с наслаждением закурил.

Он давно перестал что-либо понимать во всей этой операции.

Если противник выполнял функции караульного, в задачи которого входило всего лишь здорово шугануть преследователей, то где тогда находится отряд?

Оторвался на расстояние дневного перехода? Притаился в ближайшей роще или лесополосе? Или, используя транспортные средства, уже давно покинул район совершения диверсии?

Цели.

Это главное.

Неизвестны цели. Совершенно. Полностью.

Когда их отправляли на задание, то гарантировали, что дополнительная информация поступит в распоряжение группы в течение ближайших суток. Однако воз и ныне там...

Второе – секретность. Какие сверхценные материалы мог найти противник на территории бывшего Полигона, если командиру отряда спецназа, выполняющего антитеррористические задачи, не рассказано о сути проблемы даже в общих чертах? Чистый абсурд, без примеси рационального подхода, столь необходимого для реалистической оценки ситуации.

Третье – направление движения. Куда должен идти террорист, диверсант, разведчик, успешно выполнивший (или неожиданно провалившийся, не имеет значения) задание? Если он заброшен из-за границы – стараться покинуть страну. Если является местным жителем – попытаться полностью скрыть следы своего пребывания, ликвидировав или скрыв оружие и спецтехнику.

Назвать окружающую обстановку благоприятной никак нельзя. Как-никак, это давно уже другая страна, дружественная по отношению к России только с формальной точки зрения. В каком-то смысле их отряд является здесь в такой же степени диверсионным, как и та группа, которую требуется отыскать и по необходимости уничтожить.

Митин улыбнулся. По сути Полигоном стала для обеих групп вся Украина. Втайне от местных властей два отря-

да, российской и американской юрисдикции, выясняют здесь свои отношения. Своеобразная игра «Зарница»: кто, мол, кого...

Митин резко поднялся. Вот чего он не учел! Возможности того, что здесь вдруг проявит себя третья сила. Например, местный спецназ! В двадцати километрах западнее расположена крупная войсковая часть. Почти гарантированно, что о Полигоне они имеют хоть какое-то представление.

Вдруг их появление здесь отследили? Такая вероятность изначально допускалась, даже рассматривался эксклюзивный вариант прямого выхода на структуры Службы безопасности Украины в случае, если диверсанты успеют похитить секретные материалы и успешно уйдут от преследования. Впрочем, Митин прекрасно понимал, что не все слова высокого командования стоит понимать буквально...

Он сделал несколько шагов в сторону, остановился, словно пытался услышать неразличимый хор ангелов, благословляющий на новое понимание дела.

Что они там ищут? Что???

Всякое случается. Вполне может быть, что американские резиденты в высших эшелонах российской власти случайно вышли на закрытую информацию и, стараясь не упустить свой шанс отличиться, стремительно сообщили наверх, в Пентагон, ЦРУ, Агентство национальной безопасности США. А оттуда поступила конкретная директива – найти и захватить. При этом по возможности уничтожить всех,

кто в той или иной мере причастен к попыткам блокады сего начинания.

Надо разбираться, шаг за шагом отсекай негодные варианты. Дело ведь не в праздном любопытстве. От этого ни много ни мало зависит судьба задания. А значит – и судьба самого Митина. Тут ничего ни прибавить, ни убавить.

Легко сказать, да сложно сделать.

Как кадровый офицер отряда специального назначения ВДВ, он подчинялся своему непосредственному командованию. Но в данном конкретном случае выполнял задание другой структуры – Главного разведывательного управления Генштаба Министерства обороны. Именно оттуда исходила инициатива по проведению рейда на территории другого государства. Грушники, похоже, любят загребать жар чужими руками. Митин слышал, что три года назад одна сложная диверсионная операция проводилась в Турции с использованием сводного подразделения спецназовцев ВДВ. На сей раз почти то же самое. Только с одним отличием – теперь все базовые вопросы решали сами десантники. Они как подрядчики – получили заказ, а уж выполнять его нужно своими силами.

Заброска происходила с учетом всех нюансов, которые необходимо учитывать разведчику для грамотной инфильтрации в чужой район. Отряд спецназа пересек достаточно условную российско-украинскую границу в кузове грузового автомобиля, а до территории Полигона добирался пешком в

течение суток. Кураторы операции сообщили известное им приблизительное время появления на объекте американской ДРГ. Митин имел два дня форы. И использовал их, похоже, недостаточно эффективно – площадь бывшей секретной военной базы СССР была исследована лишь процентов на двадцать. Но ничего подозрительного обнаружить не удалось.

Почему Митин решился на одиночный рейд по наиболее вероятному пути отхода противника, он и сам не знал. В каком-то смысле это было авантюрой чистой воды. Но он уж так устроен. Предположил, что два бойца, мелькнувшие перед его глазами в окуляре бинокля с огромным увеличением на границе степного участка, примыкающего к окраине Полигона, и есть американские диверсанты, уже завершившие разведывательную задачу и уходящие наиболее экономным путем.

Правильно ли он поступил? Надо ли было вслепую зондировать почву в направлении возможного движения противника? Стоило ли сразу задействовать запасной вариант? Скорее всего это ошибка. Отряд не догнал, а натолкнулся на дозорного. А может, и спугнул искомую группу. Где их теперь найдешь?

Митин поднялся, прищурившись, всмотрелся в горячее марево безжизненных степных просторов, словно надеялся увидеть там следы врага, и тяжело вздохнул.

Операцию, похоже, надо начинать с чистого листа.

Вена

Аэропорт Швехат

15 августа

21.57

Трудно сказать, что было особенного в этом медальоне. С рельефными рисунками по блестящей латуни и серебряной окантовкой, он ничем не выделялся среди двух десятков себе подобных, разложенных на стеклянной витрине сувенирной лавки. Разве что сюжет казался несколько необычным: здесь изображалась сцена осады Вены турецкими войсками в 1683 году, причем в центре композиции мастер поместил великого визиря Кара Мустафу, угрожающе простершего руку с ятаганом в сторону непокорного города.

Высокий сухой господин средних лет, одетый в темный костюм свободного покроя, пару минут вертел медальон в руках, взвешивал на ладони, в конце концов утвердительно кивнул продавцу, вытащил из портмоне пятьдесят евро и расплатился. Потом убрал покупку в небольшую коричневую сумку из свиной кожи и неспешно двинулся по ярко освещенному залу аэропорта.

В течение многих лет он являлся резидентом Службы внешней разведки России в Европе, но в последнее время состоял и на прямой связи с Главным разведывательным

управлением Генштаба. Настоящее его имя даже в Москве знал только узкий круг лиц высшего руководства. Свои послания он подписывал псевдонимом «Келлан». Немец по национальности, он почему-то придумал себе такой интернациональный позывной с небольшим американским «акцентом».

Келлан только что прилетел сюда рейсом из Цюриха. И всего через сорок минут собирался снова проходить регистрацию, теперь уже на авиалайнер компании «Эйр Франс», следующий в Орли. Билет был заранее заказан еще в Швейцарии, и обыкновенный пассажир на его месте в оставшееся время спокойно посидел бы в кафе, лениво пролистывая глянцевые страницы рекламных журналов. Но он остановился у эскалатора в центре зала и стал ждать, изредка поглядывая на часы. Здесь до отлета должна была произойти чрезвычайно важная встреча с курьером из Москвы. Ради нее Келлан и прибыл сегодня в Вену.

Пока волноваться было не о чем, и он равнодушно скользил взглядом по лицам проходящих мимо пассажиров. Нескончаемым потоком проплывали рядом мужчины и женщины всех возрастов, габаритов и оттенков кожи, столь разнообразные и при этом чудовищно похожие друг на друга.

Келлан хорошо помнил, как раньше выглядели транзитные перекрестки Европы. Тогда, в ранней юности, его учили безошибочно определять национальность мелькающих мимо буржуа. К примеру, следовало с налету отличить немцев

и австрийцев от швейцарцев из северных кантонов, французов из Бретани от французов из Тулузы, шведов от датчан, раскованных голландцев от подданных бельгийской короны. Ныне все эти нюансы жизни старого континента стали достоянием историков. В последние годы Шенгенская зона перемешала десятки этнических типов: теперь старая Европа представляла собой огромный плавильный котел, в котором зарождались будущие нации и исчезали все те, которые веками готовили руду для этого сплава...

Лишь «варваров» с Востока можно было еще распознать в разнородной толпе пассажиров. Вот пошел здоровенный дедина с золотыми часами на руке, в черной майке с белой надписью «Майкрософт». Вот следом двинулась загорелая семейная пара с двумя внушительными тюками. Вот грациозно побежала вниз девушка в короткой юбке, с внешностью топ-модели, чересчур свежая для холодной Европы. Вот несмело, в замешательстве толкая друг друга, сошли с эскалатора три обескураженных туриста, скорее всего потерявшие своего гида.

Время шло, мелькали все новые лица. Курьер опаздывал. Келлан начинал нервничать – он очень не любил ждать, поскольку в делах превыше всего ценил четкость и пунктуальность. Ведь от этого часто зависит успех сложнейших и дорогостоящих операций. К тому же подобные задержки служат иногда вернейшим признаком грядущего провала.

В десять минут одиннадцатого Келлан обратил внимание

на двух людей, стоящих к нему спиной с другой стороны эскалатора. Казалось, они внимательно изучают светящееся информационное табло и настолько поглощены этим занятием, что полностью потеряли какой бы то ни было интерес к окружающему миру. Оба примерно одного роста и возраста, черноволосые, неприметные, в типовых кожаных куртках. Скорее всего албанцы. Или турки, что, впрочем, менее вероятно.

Келлан быстро понял, кто это. В тридцати метрах от него стояли два соглядатая, наружники, причем самой низкой квалификации. Таких нанимают для разовых поручений наркомафия, политические экстремисты, всякая уголовная шпана. Они не профи, потому что не в состоянии учиться. Ведь первая заповедь любого настоящего специалиста, будь ты хоть киллер, хоть столяр, заключается, как это ни банально, в каждодневном и упорном труде, совершенствовании своих навыков. Их же мозги подобны застывшей гипсовой маске – они навсегда сохранили девственные узоры ранней бандитской юности. Эти наемники «на один час», ко всему прочему, видимо, привыкшие к кокаину, не представляют никакой опасности. Кто их нанял? Неужели американцы пронюхали о передаче информации и направили ищеек, задача которых состоит в том, чтобы выследить курьера?

Келлан посмотрел в сторону кафе. Там сидел его дублер, Людвиг, страхующий резидента от любого непредвиденного развития событий. Людвиг тоже заметил албанцев, отло-

жил газету в сторону, напряженно выпрямился. Келлан слегка ему кивнул – «мол, все в порядке, эти не опасны». И опять взглянул на часы. Пятнадцать минут одиннадцатого! Это похоже на издевательство. Может быть, стремление к перестройке сыграло с ним злую шутку? Все-таки прямой канал связи с Москвой совершенно надежен.

Албанцы не сдвинулись с места, углубленно штудировав информацию «Люфтганзы». Двадцать минут одиннадцатого! Келлан нетерпеливо оглядывался. За долгие годы он впервые столкнулся с таким тревожным симптомом при встрече курьера. Надо уходить!

*Северо-восточная Украина**Окрестности Полигона**15 августа**06.18*

Первый неприятный инцидент у американской диверсионно-разведывательной группы произошел в четырех километрах к северо-западу от границы сооружений Полигона ранним утром 15 августа.

Они добирались до места будущей операции в течение трех дней. Из Варшавы прибыли поездом в Киев, оттуда на пригородных электричках переправились в этот отдаленный район. Потом был марш-бросок по степи в стороне от наезженных дорог и населенных пунктов. В багажнике неприметных «Жигулей» особым потаенным путем следовал необходимый для разведчиков груз – снаряжение диверсантов и оружие – штурмовые винтовки «FN SCAR-L / Mark-16» и карабины «Colt M4», оборудованные подствольными гранатометами. Его должны были оставить в условленном месте и ждать дальнейших указаний командира.

Всего в составе отряда числилось десять человек. Но трех из них командир ни при каких условиях не взял бы с собой в рейд. Это не был балласт, навязанный по воле вышестоящего начальства, но такие парни не годились для горячего дела.

В лучшем случае в их задачи могла входить работа по превентивной разведке, поиск возможных путей отхода, прочие вспомогательные функции. Он решил сделать из них своеобразный «засадный полк», призванный в случае необходимости направить преследователей по ложному следу.

Мало того. Тут действовал еще один фактор. Национальный.

Никита Борисович Старомыслов вырос в русской семье в Оклахоме. Его американское произношение было хоть и абсолютно правильным, но чрезмерно стерильным, что часто вызывало подозрение, что он – англичанин, которых в широких народных массах Америки откровенно недолюбливали. Оперативный позывной Томсон возник как-то сам собой еще в годы обучения в специальной разведшколе, а потом утвердился во время многочисленных рейдов.

Томсон мог работать лихо и быстро. Умение легко приспособиваться к изменившимся условиям, стремительно находить оригинальные способы решения поставленных перед группой задач, выходить сухим из воды и грамотно завершать операции снискали ему исключительное доверие у руководящих структур специальных подразделений Вооруженных сил США.

Его непосредственным командиром во время этого непростого дела стал полковник Ричард Меллоу. Он определил последовательность заброски группы, придумал соответствующую легенду, сопровождал подробными инструкци-

ями нескольких агентов, которые должны были оказывать отряду Томсона всемерную помощь.

Однако для достижения поставленной цели Меллоу разрешил Томсону применять любые методы, которые тот бы посчитал возможным использовать в данном конкретном случае. В частности, командир мог провести самостоятельный отбор людей. И он постарался от души: из десяти человек для восьми русский язык являлся родным, а шесть вообще были русскими по происхождению.

Костяк группы составили пять проверенных в сложных боевых условиях спецов (по американской манере они именовались словом «коммандос») – Эндрю Кузьмичофф, Серафим Гущин, Ник Веселофф, Яков Береговски, Майк Десятин. Все они родились в Америке, были гражданами США, но никогда не забывали о собственной национальности. Эта пятерка вместе с Томсоном должна была провести самый ответственный этап операции. Позывные им были подобраны незамысловатые: Кузьмичофф за свою страсть к казино, которой отдавал все свободное время, стал именоваться «Рич», Гущин, родившийся на Аляске, – «Айс», Веселофф и Десятин сохранили подлинные имена, а Береговски Томсон решил называть «Берком» [Rich – богатый, ice – лед (*англ.*)].

Группу прикрытия возглавлял единственный природный англосакс в отряде Джордж Хантер (позывной – Джо), правда, весьма прилично владеющий русским языком. Ему надлежало доставить на старенькой «пятерке» снаряжение и

оружие, передать все это командиру, при возникновении неприятных обстоятельств вызвать огонь на себя и сыграть роль «ложной мишени», на которую должен был обратить внимание противник.

Томсон категорически возражал против использования силовых вариантов без особой надобности. В частности, он не допускал даже возможности непосредственного огневого контакта с любыми войсковыми подразделениями. Но буквально накануне начала операции Томсона вызвал Меллоу.

– Вот что, майор, я тебе хочу сказать, – полковник внимательно посмотрел на командира диверсионно-разведывательной группы, – ты уж постарайся это понять. Только что поступили чрезвычайно важные сведения от нашего источника в России. Силовая акция необходима. Подожди! – Он вскинул вверх ладонь, предупреждая возражения Томсона. – Нам известен номер бункера, где вы должны вести поиск, но никто не знает точной планировки сооружений на территории объекта. Те схемы, которые ты взял с собой, основаны на спутниковых снимках почти двадцатилетней давности. Они охватывают только верхние уровни. Что находится внизу, ты сможешь выяснить лишь непосредственно на месте. Именно поэтому, – Меллоу выделил интонацией последнее слово, – так важны новые данные, уточняющие первоначальные координаты. Источник из Москвы сообщает, что по соседству с объектом, в украинской войсковой части, проходит службу один полковник. Он должен иметь достаточно

подробные сведения о расположении подземных коллекторов. Вероятно, все это он хранит в своей собственной башке, но нельзя на сто процентов исключить и того, что у него есть и документы. Сдавать своего человека на Украине, который когда-то производил монтаж тайника, источник не захотел. Сам понимаешь, давить на него мы не могли. Не тот случай...

Меллоу скрестил руки на груди:

– Мне самому, поверь, не нравится нарушать филигранность оперативной комбинации. Но другого выхода нет. Тебе придется пойти на силовую акцию. Я направил запрос моим агентам, и к моменту вашего прибытия к исходной точке ты получишь все доступные сведения о графике перемещений этого украинского полковника. Прочие детали, – Меллоу выразительно взглянул на Томсона, – решишь по ходу дела. Простор для любых действий неограничен.

Минуту они молчали.

– Есть еще одна новость. Крайне неприятная для нас. Надеюсь, тебе не нужно напоминать о том, что операцию курируют люди из Лэнгли? Оттуда поступил весьма тревожный сигнал. Произошла утечка информации. По-видимому, в Москву. И тебе стоит быть готовым к прибытию гостей.

– В Москве знают сроки начала рейда? – быстро спросил Томсон.

– Скорее всего да, – вздохнул Меллоу. – Так что заранее отработай запасной вариант. Задействуй Джо. Пусть груп-

па прикрытия открыто фланирует на подходах к Полигону, естественно, соблюдая меры предосторожности.

– Если Москва пришлет хороших профи, обман они быстро раскроют, – возразил Томсон.

– Постарайся, майор. Этого не должно быть!

Томсон не случайно вспомнил последний разговор с Меллоу, когда группа приближалась к границе Полигона. Интуиция разведчика его редко подводила...

Едва отряд выскользнул из заросшей неширокой балки, чтобы стремительным марш-броском скатиться с пригорка и двинуться в направлении стратегического объекта, Ник, который шел в ста метрах впереди, зондируя обстановку, подал сигнал «Тревога».

С востока стремительно приближалась черная точка, быстро увеличиваясь в размерах. Ее было легко рассмотреть, несмотря на плотные пласты тумана, медленно стекающего в низину. Можно, конечно, броситься обратно, скрыться за уступами меловых глыб, обнажившихся в ручье небольшой речки, утонуть в белесой пелене. Но дело даже не в том, что упущены важные мгновения. Легко в такой ситуации ухудшить свое положение. Достаточно секундного подозрения со стороны неведомых лиц, судя по всему, имеющих отношение к войсковым подразделениям (Томсон успел оценить защитную окраску грузовика), и операция провалена. Лучше уж выйти навстречу с открытым забралом...

– Полное спокойствие. Действия согласно легенде.

Слова командира, по большому счету, были совершенно излишними. Томсон ни на мгновение не сомневался в своих людях. Ведь он подбирал и проверял их сам, по собственной системе, которую разработал за годы диверсионной работы.

Патруль с украинской военной базы остановил группу Томсона без всякой задней мысли. Просто у него был приказ задерживать посторонних в непосредственной близости от территории бывшего закрытого объекта. Дорога здесь использовалась гражданскими лицами без особых ограничений. Но в случае, если командование по тем или иным причинам принимало решение усилить пропускной режим, тотальной проверке подвергались все, кому не посчастливилось в это время проезжать или проходить около бывшего Полигона. В настоящее время усиленный контроль над этой зоной был связан с тем, что в ближайшие дни именно здесь начинались масштабные войсковые учения.

«Зил-131» с кузовом, затянутым брезентом, остановился в двадцати метрах от группы из шести человек, которые застыли на месте, выстроившись в неровную шеренгу.

Офицер, выскочивший из кабины, приблизился размеренным шагом. С боков его страховали четыре солдата-срочника с «АКМ» в руках.

– Командир патрульного поста капитан Михальчук! Документы, пожалуйста!

Здесь, на севере Украины, никто и не думал пользоваться «суржиком», что здорово облегчало задачу Томсона. Он мог

без всякого вызова говорить по-русски, даже не пытаясь сознательно смягчать букву «г», хотя в свое время специально изучал это наречие.

– Туристический отряд «Витязи». Из Херсона. Сейчас идем к Белоселью. А вообще, – Томсон улыбнулся, – наш дальнейший маршрут будет связан с рекой. Там нас ждут байдарки. Будем сплаваться. Вот наши паспорта и походный лист.

Офицер бегло просмотрел документы, но при этом внимательно посмотрел на «походников». Безусловно, у него не возникло ни малейших сомнений. Выглядели «туристы» совершенно тривиально. Обычные мужики. Рюкзачки, джинсы, потертые камуфляжные куртки, которые можно купить на любом вещевом рынке за пятьдесят гривен.

– Скучновато пешедралом, ребята. Лучше на машине. И вот что еще... Вот в ту сторону, – капитан указал рукой в направлении Полигона, – идти нельзя. Закрытая зона. Хорошо еще, что мы вас здесь встретили, а то потом хлопот бы не обобрались.

– Куда же нам теперь? – придав лицу напряженное выражение, спросил Томсон.

Офицер задрал на затылок фуражку, почесал лоб:

– Вообще-то я вас завернуть назад обязан. Но я смотрю: люди вы нормальные, вон сколько протопали... Значит, в Белоселье?

Капитан обернулся к солдатам:

– Может, подбросим мужиков? Как разумеете?

Разумели они так, как того требовал командир, почуявший, что его ждут какие-то подношения. И вот спустя пару минут американский диверсионно-разведывательный отряд разместился в кузове грузовика. Ник и Айс щедро одаривали рядовых сигаретами.

– Как служба, ребята? Дембель не за горами?

– Не, еще долго, – за всех ответил высокий тощий солдат, похожий на героя украинских сказок.

Через пять километров, у сворота грунтовой дороги, Михальчук приказал водителю притормозить.

– Короче, хлопцы. Видите там вдали деревья? Это у реки. А к западу как раз будет Белоселье. С вашими байдарками. Но вам лучше сюда, напрямик. Русло у речки извилистое, так проплутаете много. А тут выйдете на бережок и по стежке напрямиком в Белоселье. Вам и ориентир хороший могу сказать. Там у реки заброшенный сарай есть, бывшая конюшня. Рядом как раз дорога к селу...

– Не знаю, как вас и благодарить. Подождите, – будто что-то вспомнив, Томсон полез в рюкзак, вытащил припасенную именно для таких случаев литровую бутылку горилки с перцем, буханку черного хлеба и здоровенный шмат великолепного сала, – хоть это возьмите.

– Сами-то как? – Офицер даже облизнулся, предвкушая, с каким удовольствием сегодня вечером, сдав дежурство, раздавит пузырь в каптерке с заместителем по АХЧ прапорщи-

ком Буроконем, у которого всегда в запасе есть еще хотя бы одна заветная бутылка (а с пустыми руками не придешь).

– Берите, не стесняйтесь.

– А то придете на бережок, сядете, отвинтите крышечку...

– Все, товарищ капитан, не то мы обидимся! – Томсон немного нахмурил брови и буквально всунул свой дар в руки капитана Михальчука, уже заранее захмелевшего от одной мысли о будущем празднике.

– Ну спасибо, хлопцы. Удачи вам!

Грузовик медленно тронулся с места, прыгая на колдобинах, а Томсон слегка улыбнулся. Что это за вояки? Его отряду ничего не стоило разделить их «под орех». По-хорошему, всех, встреченных в непосредственной близости от Полигона, надо задерживать без всяких сантиментов. И тщательно проверять...

– Ты зачем им наше сало отдал, Томсон? – с некоторой обидой спросил Ник. Про горилку он промолчал. Такие шутки во время рейда командир люто не одобряет.

– Не жадничай, Ник, – тихо ответил Томсон, задумчиво глядя в сторону реки.

Хорошее там место для отвлекающего маневра. Спасибо тебе большое, капитан Михальчук!

Он взглянул на своих бойцов и скомандовал:

– Отдыхаем вон в том овраге и ждем Джо. Берк, сообщи ему, что мы отделились от Полигона.

*Северо-восточная Украина**Полигон**16 августа**21.45*

Митин вернулся на Полигон уже в сумерках.

За очередным холмом открылся вид на разбитые, словно от бомбометания, бывшие строения. Их не уничтожили в свое время полностью – просто снесли наиболее заметные, высокие сооружения. Все, что было выше пяти метров. До основания разрушили только Центр управления. Там сейчас зиял огромный котлован, заросший бурьяном. По его краю располагались низкие, сложенные из кирпича стены, остатки внешнего ограждения.

С правой стороны, скрытая под двумя кустами дикой вишни, командира ждала группа.

В ее составе – всего четыре человека. Митин, следуя какой-то трудно определимой иронической логике, придумал им географические позывные. Володя Панин – Восток. Петр Алексеев – Запад. Игорь Немчинов – Юг. Андрей Вишняков – Север. Сам Митин, не изменяя своей древней привычке, пожелал именоваться Центром. Ребята не спорили, пошутили немного в первые дни, а теперь вроде привыкли.

Он впервые пошел в рейд с бойцами, которых раньше ни-

когда не видел в реальных боевых условиях. Но такой риск в данном случае был вполне оправдан. Хотя бы потому, что опыт у Митина немалый. Он умел разбираться в людях, молниеносно выделять их слабые и сильные стороны. В особенности это касалось профессиональных качеств спеца.

Одно дело – попасть в «яблочко» при стендовой стрельбе или лихо сбить подброшенную в воздух бутылку, и совсем другое – поразить с расстояния в двести метров без использования оптики противника, засевшего в укрытии и обладающего соответствующими навыками. В этих ребятах Митин был почему-то уверен как в самом себе. Они не подведут. Сделают все на уровне.

Панин, так же как и сам Митин, воевал в Чечне, неоднократно участвовал в рейдах, имеет боевые награды. Алексей свою судьбу связал с операциями в других северокавказских республиках, где эффективно поработал в последние годы. Немчинов и Вишняков проявили себя во время специальных «командировок» за пределы нашей родины. Где они были, Митину, естественно, не докладывали, но он по некоторым косвенным признакам понял, что мужики не понаслышке знают, что такое «горяченькое дело».

«Вот и маскируются хорошо», – про себя похвалил их Митин, приближаясь к пункту временной дислокации. Он специально не посылал никаких сигналов на расстоянии, решил проверить реакцию подчиненных. Неожиданно резко появился в десяти метрах от места засады, как дух, матери-

ализовавшийся в видимом мире.

Молодцы! Ни одна ветка не дрогнула. Все, похоже, сразу опознали своего командира.

– Тихо?

– Полностью, – за всех ответил Панин, остававшийся за старшего. – А у тебя?

– Результат ноль, – коротко пояснил Митин, присаживаясь на траву рядом с бойцами. – Или даже хуже...

– Они тебя засекли? – спросил Алексеев.

– И засекли, и вовремя смылись. Но главное не в этом... – Митин внимательно всмотрелся в лица спецназовцев. – Я почти уверен, что там была дозорная группа. Ее задача – отвлечь наше внимание от базового отряда. Отвлечь всеми силами. Диверсанты либо ушли другим путем, либо еще здесь, на Полигоне.

– Центр, это невозможно, – прищурился левый глаз, медленно проговорил Немчинов. – У нас же была предварительная информация.

– Да какая информация! – Митин раздраженно махнул рукой. – Условная оценка. Общая площадь Полигона – двести квадратных километров. Разрушенные строения располагаются на площади в тридцать квадратных километров. Развалин здесь столько, что можно скрытно разместить несколько полков.

Он помолчал, поднял с земли маленький камешек, подбросил в ладони, откинул в сторону.

– Мы же реально прозондировали только этот участок. Весь восточный и южный массив для нас пока – большое белое пятно, так же, как и границы Полигона. ДРГ могла легко проникнуть сюда с противоположного края, пробраться к какой-то неведомой нам базовой точке, сделать свои дела и уйти тем же маршрутом назад. А вдруг прочухали наше появление и разыграли спектакль с отвлекающей группой? Вся тухлость задания в том, что нам ничего не известно об их целях. Ничего!

– Но куратор же сказал четко, – возразил Панин, – что они будут рыскать в центре Полигона. Наверное, имеют разведанные о поиске...

– О поиске чего? – Митин округлил глаза. – Мы ни хрена не знаем, что это. Вдруг тут замуровано несколько ядерных боеголовок?

Он бесцеремонно отцепил с ремня Вишнякова фляжку, отвинтил крышку, сделал пару жадных глотков.

– И еще одно вам стоит услышать, мужики. Не надо забывать о третьей силе.

– Чего тут щукать хлопцам? – спросил Панин. – Они уж и воевать разучились.

– Украинский спецназ умеет работать. Один раз я с ними сталкивался. Серьезные парни. И если их сюда занесет нелегкая, нам придется конкретно рвать когти. Тем паче что разрешения на конфликт с местными армейскими подразделениями нам не выдали в Москве вкупе с этим боекомплек-

том. – Митин постучал по стволу своего «Кедра». – Кроме того, не стоит сбрасывать со счетов еще один вариант.

Он поднялся и указал рукой в сторону котлована.

– Уходя, ДРГ может вызвать сюда хохлов любым способом, чтобы натравить на нас и тем самым отсечь преследование...

Вена

Аэропорт Швехат

15 августа

22.20

Келлан узнал ее сразу. Описание совпадало на сто процентов.

Он собирался уже покинуть свой наблюдательный пост и повернулся в сторону, когда вдруг прямо перед ним в толпе пассажиров, только что сошедших с эскалатора, мелькнул черный пластмассовый кейс, украшенный яркой аляповатой наклейкой «Эллада». Высокая стройная блондинка, одетая в серый костюм из тонкого джерси, спустившись с нижних ступеней, на полминуты задержалась, намеренно долго рассматривая указатель наверху, потом сделала несколько шагов в сторону регистрационного отделения, поставила кейс на пол.

Келлан мгновенно, следуя своей многолетней привычке, больше машинально, чем осознанно, мысленно нарисовал ее словесный портрет. Лет тридцати – тридцати пяти. Лицо скуластое, почти лишенное косметики, короткая стрижка. Достаточно распространенная здесь внешность, однако скорее скандинавского, чем среднеевропейского типа. Миловидна, хотя в складках губ есть что-то хищное. Глаза серые, острые.

Передвигается быстро, но без суеты. Немного угловатые жесты, резкие повороты головы. Трудно сказать, насколько она профессионально подготовлена, но держится тем не менее вполне уверенно.

Молниеносно взглянув на Келлана, она улыбнулась. Келлан в ответ едва заметно кивнул, боковым зрением наблюдая за двумя фигурами с другой стороны эскалатора. Албанцы не обернулись. Вряд ли они обратили внимание на этот безмолвный разговор.

Блондинка взяла кейс в руки и, слегка покачивая бедрами, неторопливо пошла через зал. Келлан последовал за ней, успев зафиксировать, что албанцы медленно выдвинулись вперед, огибая подножие эскалатора, а Людвиг, сидевший в кафе, поднялся и направился в ту же сторону шагах в тридцати левее.

К удивлению Келлана, убежденного, что курьер должен немедленно улететь в Россию, блондинка остановилась у стойки регистрации рейса Вена – Стокгольм, в конце неровной короткой очереди. О чем-то поинтересовалась у пожилой дамы в нелепой сине-красной шляпке с пером. Достала из кармана билет, пригладила волосы. Келлан отметил, что играет она отменно. Обыкновенная среднестатистическая пассажирка. Ни малейшей суеты, никаких признаков волнения. Безусловно, определила, что Келлана «ведут». Поэтому и не торопилась. Спустилась вниз, к месту встречи, только тогда, когда уже нельзя было больше тянуть время.

Однако сейчас казалось, что никто и не собирался исполнять обязанности курьера. Блондинка спокойно развернула какой-то газетный листок, сложенный вчетверо, стала читать. Келлан понял: от него ждут какого-то отвлекающего маневра, способного ненадолго направить наружников по ложному следу. Он посмотрел по сторонам.

Албанцы миновали соседнюю стойку, где зарегистрировались пассажиры московского рейса, остановились в хвосте очереди. Они уверены, что курьер находится именно здесь! Да, безусловно, это очень низкая квалификация... И хотя расшифровать такую «слежку» может любой дилетант, на всякий случай стоит проверить их реакцию.

Келлан подошел к стойке, потом раза два, неторопливым шагом, по кругу обогнул толпу, вглядываясь в лица стоящих людей, словно отыскивая нужного человека. Задержался на минуту, как-то растерянно потоптался на месте и быстро двинулся через зал, в сторону эскалатора. Обернувшись, с удовлетворением отметил, что его старания не пропали даром. Албанцы купились. Они покинули хвост очереди и, разделившись, неспешно пошли назад. Великолепно! Теперь нужно срочно найти «подставного курьера», любого пассажира, направляющегося в Москву. Лучше, конечно, женщину. Ведь нельзя исключить, что соглядатаям кое-что известно.

Он стал прохаживаться вблизи эскалатора, демонстративно часто посматривая на часы, всем своим поведением вы-

казывая крайнее нетерпение. При этом Келлан не забывал внимательно изучать толпу пассажиров у стойки московского рейса. Судя по внешнему виду, летят отсюда в основном русские. Впереди – туристическая группа, человек пятнадцать-двадцать, возраст – около сорока... За ней – несколько журналистов (три парня и две девушки), камеры зачехлены, все репортерские аксессуары убраны... Дальше – еще человек двадцать – путешественники-одиночки, семьи, матери с детьми... Кого же выбрать? Время шло. Гулкий далекий голос объявил о начале регистрации на рейс Вена – Париж. Надо торопиться.

Людвиг смог по достоинству оценить маневры Келлана и спокойно вернулся в кафе. «Он не спешит, ведь это мне сейчас лететь в Париж, а не ему», – с какой-то странной завистью подумал Келлан. «Неудачный день, воистину неудачный день».

У «московской» стойки стало заметно меньше людей – многие уже прошли через турникет. Нужно срочно соорудить какую-нибудь «куклу» и сунуть ее первому встречному. Албанцы должны видеть воочию момент передачи пакета материалов. Для этого их и прислали. Кто же догадался нанять таких олухов? Келлан недоумевал. Конечно же, это не связано с последним делом! Он облегченно вздохнул. За последние годы резиденту пришлось для оправдания своей легенды (он выступал обычно в роли международного авантюриста, торгующего секретными сведениями) не

один раз заниматься сомнительными операциями, которые в той или иной мере касались интернациональных преступных картелей. Келлан мгновенно, словно страницы книги, пролистал в своей памяти набор былых дел. И мысленно щелкнул пальцами. Точно! Слежка почти на сто процентов связана с «алжирским наркотрафиком». Тоже приятного мало, но это небо и земля...

Келлан открыл свою сумку, делая вид, что копается в кредитных бумагах цюрихского банка, аккуратно помещенных в прозрачные файлы, достал из отдельного отсека миниатюрный компакт-диск в пластиковом футляре, на котором была размещена зашифрованная информация, предназначенная для Москвы, переложил во внутренний карман пиджака. Потом машинально повертел в руках приобретенный сегодня медальон. Он купил его в подарок своей племяннице, студентке Сорбонны.

В этот момент к редееющей на глазах очереди у стойки регистрации рейса Вена – Москва подошла изящно, но скромно одетая девушка лет двадцати пяти. Худенькая, невысокого роста. При ходьбе немного сутулится. Темные длинные волосы, карие глаза, правильный овал лица. По виду – типичная стажерка, несколько месяцев посещавшая какой-нибудь австрийский университет или научный центр. Довольно традиционная внешность для *Hoch Schule* [Высшая школа (*нем.*)]. Багаж, правда, невелик – только небольшой чемодан и рюкзак. Скорее всего летит одна, без попутчиков.

Келлан оглянулся, отметил, что албанцы фиксируют все его метания у эскалатора, вдруг широко и радостно улыбнулся, даже немного театрально вскинул руки и быстрым целеустремленным шагом пересек зал аэропорта. Подойдя к девушке, он поклонился и сказал по-русски, что хочет сделать ей маленький подарок. Она удивилась, покраснела, стала смущенно отказываться.

– Нет, нет. Поймите, это очень важно для меня. Я так давно не был в России, а сохранил о ней самые прекрасные воспоминания. Когда-то я знал в вашей стране одну девушку... Она была чем-то похожа на вас... Возьмите этот маленький медальон, пусть он напоминает вам об Австрии.

Девушка продолжала упорно сопротивляться внезапному презенту, и трудно сказать, удалось ли бы ее уговорить, но стоящий впереди коренастый крепыш, обыкновенный среднерусский мужичок из той довольно распространенной во всем мире породы людей, которая вне зависимости от своего материального достатка всегда смотрит на мир глазами люмпена, увесисто заметил:

– Ты что, подруга, жмешься? Человек тебе сувенир предлагает, можно сказать, от чистой души, а ты выкаблучиваешься. Бери, бери!

Девушка наконец согласилась. И со словами: «Ой, как неудобно», – все-таки позволила нацепить себе на шею медальон. Келлан раскланялся и отправился к стойке регистрации парижского рейса. Он шел быстро и не оглядывался, уве-

ренный, что блондинка догадается догнать его в стороне от этого места, а албанцы теперь «поведут» русскую стажерку. Угрожает ли ей опасность? Вряд ли. Нетрудно догадаться, что она выбрана из толпы случайно, для отвода глаз. Будь на месте этих кретинов кто-то чуть поопытнее, расколол бы его комбинацию в два счета.

Тем не менее Келлан чувствовал некоторый дискомфорт. Может быть, всему виной то, что она неожиданно напомнила ему племянницу, которой и предназначался медальон? Когда он уходил, то слышал, как за его спиной, в толпе пассажиров, громко обсуждали необычную щедрость странного австрийца с хорошим русским произношением. Кто-то говорил громко, возможно, даже нарочито громко:

– Вдруг это наркотики так перевозят? Вы посмотрите, девушка, повнимательнее, что там внутри. Посмотрите, посмотрите, не бойтесь.

Блондинка ждала его в углу зала, рядом со стойкой регистрации парижского рейса. Едва увидев Келлана, она стремительно к нему подошла и быстро заговорила по-немецки, с тем безукоризненным произношением, которое вырабатывается на очень дорогостоящих курсах вдали от живого языка Германии:

– Простите. Меня настоятельно рекомендовали вас не задерживать. Но вы же видели, насколько сильно осложнилась ситуация. Надеюсь, вы на меня не в обиде?

Келлан молча достал из внутреннего кармана пиджака

компакт-диск и передал ей в руки.

Блондинка убрала компакт-диск в кейс и спросила с некоторой тревогой, надевая темные очки:

– Вам не угрожает опасность?

– Не беспокойтесь. Это мои дела. Передайте, что все в порядке.

Они понимали друг друга с полуслова. Девушка замялась и неожиданно улыбнулась:

– Все и будет в порядке.

Глядя на нее, Келлан тоже улыбнулся. Едва заметно, уголками губ. Потом слегка поклонился и произнес:

– Тем не менее осторожность нужна всегда.

Спустя пятнадцать минут Келлан прошел регистрацию. Обернулся и в последний раз посмотрел на зал аэропорта. Отсюда был хорошо виден бокс, где стояли русские пассажиры. Албанцы исчезли. Возможно, уже передали информацию в Москву. Кто знает...

Стажерка перенесла поближе к стойке свои вещи, остановилась, внимательно изучила какой-то список, прикрепленный у стекла на стене. Назойливый крепыш что-то говорил, приблизившись вплотную и вертя в пальцах висевший у нее на шее медальон. Она отвечала, отрицательно качая головой. Наконец сняла медальон. Мужичок взял подарок Келлана в руки и, продолжая говорить, двинулся за ней к столу регистрации.

Жаль. Очень хорошая вещь, довольно интересный сувенир.

нир. Впрочем, возможно, это обезопасит девушку. Келлан покачал головой и вышел на аэродром.

*Северо-восточная Украина**Окрестности Полигона**17 августа**Утро*

В девять часов полковника Калмыкова вывезли с территории бывшего Полигона. Сняв с его глаз повязку, оставили на краю проселочной дороги.

– Как вам прекрасно известно, здесь нет ни одного населенного пункта. Ни души. Может, вам и улыбнется удача, заедет какая-нибудь шальная машина. Но маловероятно. К тому же не в ваших интересах встречаться с патрулями из вашей войсковой части. Поэтому добираться придется пешком. Тут километров двадцать, никак не меньше. К вечеру, наверное, если повезет, будете на месте. Уж извините, верное направление указывать не стану. Всего доброго. Как видите, я не нарушил данного слова. Считайте, что вы сегодня второй раз родились на свет...

Командир диверсантов развернулся и пошел к машине, оставив растерянного от проявления такого великодушия полковника на обочине грунтовой дороги.

Когда «Жигули» проехали полкилометра, а фигура Калмыкова растворилась в степной дали, Томсон повернулся к водителю:

– Заглуши мотор.

«Пятерка» остановилась на обочине.

– Джо, мне бы очень хотелось услышать от тебя внятное объяснение произошедшего. Я не хотел говорить об этом при других бойцах. Я думаю, ты догадываешься почему. В рейде недопустимо разбирать промахи. Итак, – Томсон жестко взглянул в глаза водителю, – зачем ты все-таки завалил солдата? Неужели нельзя было обставить все как можно чище?

– Ты – командир операции, поэтому я не имею права критиковать твои действия, – спокойно ответил Джо, не поворачивая головы, – и спрашивать, зачем ты отпустил полковника. Хотя считаю, что это провал операции.

– Зато я могу и буду тебя критиковать!

Томсон вдруг почувствовал, как высокой океанской волной накатывает приступ гнева. Спокойнее! Следует держать себя в руках.

– В твою задачу входило, – заговорил он через полминуты, приведя в порядок дыхание и расслабив мышцы, непроизвольно напрягшиеся, как перед началом рукопашного боя, – захватить полковника в безлюдном месте и нейтрализовать его водителя. Нейтрализовать – не значит убить, Джо! Почему было не захватить его с собой, вместо того чтобы оставлять на проселочной дороге у самого поселка в расстрелянной машине с дыркой в башке?

– Один из бойцов, Кейн, завел мотор и сбросил машину в

овраг, – ровным голосом ответил Джо, по-прежнему прямо глядя перед собой.

– Я говорил с Кейном. «Уазик» съехал с обочины всего на несколько метров. Так что не волнуйся, искореженную машину найдут очень быстро. Если уже не нашли. А исчезновение начальника штаба – не рядовое ЧП. Будут последовательно обшаривать все окрестности.

Томсон вдруг понял, что этот разговор – лишняя трата времени. С такими людьми, как Джо, откровенной беседы не получится. Они скроены из другого материала, слеплены из иного теста. Эмоции на контроле, выдержка на уровне, количество адреналина в крови не превышает допустимых значений. Глядишь, еще и рапорт накатает по возвращении. О неправильном командовании, которое все время грозило полным провалом операции...

– А полковник, Джо, теперь выполнит очень важную миссию. Я пошел на реализацию такого плана именно из-за твоих художеств. Но об этом позже. Я хочу, чтобы меня слышали все бойцы. Теперь повторно расскажи, как вы вступили в огневой контакт с русской группой.

Слушая во второй раз краткое сообщение Хантера, Томсон пытался поставить себя на место русского командира. Дозорный отряд, внимательно осматривающий все подходы к территории Полигона, в какой-то момент фиксирует появление неопознанной группы людей. Следует запрос у руководства, после которого бойцы получают короткий

приказ: отследить и, по возможности, захватить ожидаемых «гостей». Или командир антидиверсионного подразделения взял всю ответственность на себя? Как бы сам Томсон действовал в такой ситуации?

– Все-таки я так и не понял, – он внимательно всмотрелся в лицо старшего группы прикрытия, – сколько их было? Один или два? Или этот суперпрофи хотел создать иллюзию того, что работает не в одиночку?

– Огонь вели два человека, – уверенно произнес Джо. – Я никогда не поверю, чтобы один спец, будь он хоть мастером экстра-класса, способен перемещаться с такой скоростью.

Томсон пока не мог предложить даже приблизительную версию. Что-то здесь не клеивалось, не вязалось. На Полигоне их уже ждали, это точно. Поэтому те меры предосторожности, которые Томсон применил при подходе к бункерам Центра управления, оказались не напрасными. Но неужели командир русских спецназовцев, если это действительно опытный человек, в чем не приходилось сомневаться, не обратил внимания на очевидную открытость появления группы противника? Ведь Джо сознательно выманивал их из укрытия, стремясь увести в ложном направлении. Да, спасибо украинскому капитану Михальчуку! Вовремя указал оптимальный путь для отвлекающего маневра...

– Почему ты сразу уверился, что они купились на нашу фальшивку?

– Я сообщил тебе по рации о своих сомнениях. Но нача-

лось с того, что Дик увидел одного из них в оптику. Метрах в пятистах от реки.

– Они не могли проследить за дальнейшим маршрутом и догадаться, что ты вернешься обратно круглой дорогой?

– Исключено.

Томсон долго молчал, машинально крутя в руке патрон от штурмовой винтовки. Потом крепко схватил Хантера за отворот камуфляжной куртки:

– Твой запасной полк больше не нужен. Необходимость исчезла. Забирай группу и уходи в поселок. В экстренном случае я тебя вызову.

Джо впервые с начала беседы пристально посмотрел в глаза командиру и отдельно произнес, выделяя интонацией каждое слово:

– Я думаю, ты совершаешь ошибку, Томсон. Но обязан выполнить приказ.

– Вот и выполняй. Поехали. Сейчас дорог каждый час. К полудню вы должны отъехать километров на десять от Полигона. И постарайся, – Томсон, прищурившись, взгляделся в лицо Джо, – не наследить. Машину загони в лесополосу подалее от Полигона и хорошо замаскируй. Она еще может пригодиться. Жди моих сообщений около поселка. Тебе все ясно?

– Ясно, – ответил Хантер, заводя мотор, и неожиданно усмехнулся: – Только я останусь при своем мнении, сэр...

*Северо-восточная Украина**Полигон**17 августа**Утро*

Когда рассвело, Север, выполняющий функции дозорного, разбудил группу. Отряд выбрался наверх из неглубокой ниши.

– Сейчас бы пожрать хороших щец, – мечтательно протянул Немчинов, вскрывая ножом банку с тушенкой, – а не эту холодную жижу шамать.

Все остальные промолчали. Трапезы спецов – не пикник туристической группы. Говорить без дела в рейде не принято, тем более во время еды.

– Ходу, мужики! – коротко бросил Митин через десять минут, поднимаясь с травы и прикрывая рукой глаза от ярких лучей восходящего солнца. – Будем чесать подряд широким бреднем. Охватываем шестьсот метров с востока на запад. Я с правого края. Дистанцию выдерживать четко. Темп низкий. Все ясно?

Двигаясь в высоких зарослях бурьяна, местами укрывающего его с головой, командир старался примечать малейшие детали окружающей обстановки, которые могли сигнализировать о недавнем посещении Полигона другой группой лю-

дей.

«Самое плохое заключается в том, что ДРГ уже давно имела все возможности слинять отсюда. Чисто и незаметно. Пока мы не знаем их целей, мы не знаем ничего».

Представить, что американцы забросили отряд из-за границы, очень сложно. В современных условиях это – почти фантастика. Не легче ли завербовать группу прямо на месте? С деньгами у заокеанских спецслужб проблем никогда не было. Неужели не найти на Украине подготовленных парней, которые смогут обнаружить здесь все, что нужно, и доставить заказчику?

Митин остановился на мгновение у очередной полуразрушенной стены, взглянул налево, пытаясь определить, где находится Север. Тишина. Как и положено. Андрей Вишняков умеет выполнять задание совершенно бесшумно. Увидеть и услышать его нельзя, хотя боец всего в ста пятидесяти метрах западнее.

Вообще натолкнуться на одного из диверсантов можно исключительно случайно. Легко допустить и то, что придется уходить отсюда несолоно хлебавши. Тем паче если здесь и правда объявятся ребятишки из украинских специальных частей. Тогда ситуация чревата неприятными последствиями. Упаси бог от огневого контакта с представителями армейских соединений соседнего государства...

Солнце быстро поднималось по небосклону, грозя через несколько часов затопить окружающее пространство нестер-

пимым жаром ярких южных лучей. Жухлые былины огромной крапивы, пожелтевшие листья лопухов, колючие стебли чертополоха, бурые веники конского щавеля почти не трепетали под легкими, едва заметными порывами ветра. А тишину нарушало лишь стрекотание кузнечиков и жужжание крупных августовских мух.

Митин оглянулся. Как ни старался он лавировать в густых зарослях, пружинисто ставить ноги, едва пригибая к земле высокий бурьян, следом тянулась предательская дорожка, с очевидностью беспристрастного свидетеля повествующая возможному следопыту достоверную историю о передвижении в данном направлении двуногого существа.

Митин остановился у самого края очередного циклопического нагромождения камней. Отсюда, с небольшого возвышения, за едва шевелящимися верхушками заросшего сорного луга, были кое-где видны фундаменты разрушенных сооружений Полигона. В этом секторе, где некогда располагалась гарнизонная территория, отсутствовали подземные ярусы. Спрятаться тут негде.

Он попробовал прозондировать обстановку – резко бросился в кусты густо разросшегося конского щавеля, попутно сильно обжигая руку о стебель крапивы. Полежал неподвижно целую минуту, вслушиваясь.

Никого...

Возможно, они ищут фантом? Ведь скорее всего здесь нет ни души.

«Провалил ты все, братец! Бросился на разведку в одиночку и угробил операцию. Похоже, дозорный у разрушенной конюшни находился в арьергарде боевой группы и прикрывал их отход после грамотно выполненного задания».

Митин прошел несколько десятков метров вперед и вдруг замер как вкопанный.

Прямо перед его глазами открылся вход в бункер. Судя по всему, это был основательно углубленный бункер, защищенный от нескромного взгляда разведчика разросшейся заградительной полосой из кустов ежевики. Даже с незначительного расстояния укромный лаз оставался незаметным для наблюдателя.

Что же получается? Откуда здесь взялся бункер?

Митин продрался сквозь «колючую проволоку» ежевики и спустился по разбитым ступеням вниз. В двадцати метрах ниже уровня дневной поверхности располагалась достаточно ровная площадка. От нее в разные стороны уходили три нешироких бетонных тоннеля.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.